

СЕРГЕЙ ЖОГОЛЬ

ОСКАП ХОХЛАТОГО ДРОЗДА

Сергей Жоголь

Оскал хохлатого дрозда

«Издательские решения»

Жоголь С.

Оскал хохлатого дрозда / С. Жоголь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933046-8

Выросший на постоялом дворе среди докучливых пошляков и пьяниц мальчик-сирота по имени Пит знакомится с таинственным незнакомцем. Гость делает заманчивое предложение, но ставит условие... Пит озадачен и напуган, он не знает как ему поступить. Маленький неряха ещё и не догадывается, что от его решения зависит судьба королевства, и вскоре ему предстоит стать одним из главных участников грандиозных событий связанных с безжалостной битвой за престол.

ISBN 978-5-44-933046-8

© Жоголь С.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	12
Часть вторая	35
Часть третья	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Оскал хохлатого дрозда

Сергей Жоголь

© Сергей Жоголь, 2019

ISBN 978-5-4493-3046-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Мы что же, полезем в эту глушь? – Харб вытер ладонью пересохшие губы. – У Эгара зудит? Да-да, зудит... между копчиком и седлом. Сопливый недоумок! Молокосос! О чём он только думает? В такие дебри нельзя соваться, не выслав головной дозор! Нас мало, слишком мало... О-о-о!.. проклятый туман... – старый лангёр поёжился. – Это всё равно, что слепого кутёнка бросить в логово волков... р-р-раз, и косточки захрустели. А Редрик... он-то куда смотрит? Если у него на плечах не выеденная мышами тыква, то этот хлыщ обязан... просто обязан, убедить разряженного дуралея дожидаться подкрепления.

С холмов спускалось густое марево, застилало глаза, дышать становилось все труднее и труднее.

Команда «стой» прозвучала вдали, пронеслась над строем. Хабр тут же умолк, принялся и вытянул шею как собака взявшая след. Колонна остановилась.

Ройс словно очнулся ото сна. Он запнулся и едва не налетел на шагнувшего впереди лангера. Тот выругался, оглянулся, но, увидав хищную улыбку Хабра, лишь сухо проскрежетал зубами. Потом глупо улыбнулся, достал флягу и, сделав несколько больших глотков, протянул её старому солдату. Харб отмахнулся и снова принялся бурчать про труднопроходимый лес.

Остальные тихо перешёптывались.

Непрерывное ворчание Хабра всем уже надоело, на него косились. Многие, слушая бормотание старика, посмеивались, но были и такие, кто злобно хмурился. Не просто хмурился, поглаживал ладошкой рукоять меча. «Старый брюзга накличет на нас беду» – шептали недовольные. Новичков в строю было немало. Старые лангеры себе такого бы не позволили. Ройс злился.

За своего друга он перережет глотку любому, но не сейчас.

Сейчас не время одёргивать слабаков – долгий переход утомил даже самых стойких. Харб не унимался, то и дело втягивал воздух ноздрями точно охотничий пёс, учуявший хищного зверя.

Ройс расправил спину, выдохнул; хотелось пить, рана на руке чесалась; он сорвал повязку. Запёкшаяся темная корка треснула, из-под неё сочилась кровь. Молодой лангер слизнул алую каплю, погонял слюну языком, сплюнул – сладкая. Апасхи мажут свои стрелы ядом, но эта к счастью была обычной.

Последняя стычка была короткой, но они потеряли пятерых. Трое из тех, кто был ранен, сейчас ехали в повозках, тряслись позади с основной колонной. Ройсу повезло, его рана оказалась простой царапиной, а вот порванный ремень доставлял гораздо больше проблем. В том бою он лопнул от удара секирой, поэтому сейчас, неся щит за спиной, молодой лангер подвязывал его обычной верёвкой. Та постоянно соскакивала с кожаного наплечника, сильно натирала шею. Лишь только колонна остановилась, Ройс скинул щит, вслед за ним на землю упала и походная сумка.

– Не стоит так поступать, – скривил лицо Харб и снова вытер сухие губы. – Мы здесь как на ладони, до лесочка полсотни шагов, а апасхи отличные стрелки. Пискнуть не успеешь, как тебя утыкают стрелами.

– После той трёпки, которую мы задали им вчера? – возмутился Ройс, но щит с земли поднял, с мнением Харба считались и более опытные вояки.

Хабра знали все. Этот матёрый ветеран носил синий плащ лангера с первых дней основания регулярного войска. Сотни походов, десятки битв.

Перебитый нос, узкое морщинистое лицо, глубокий шрам от виска до переносицы опускал левую бровь старого солдата так, что казалось, будто он постоянно щурится. Поговаривали, что когда-то Хабр пользовался успехом у женщин, но сейчас, глядя на его изувеченное лицо, осунувшееся и потрескавшееся словно стоптанный башмак, поверить в это было довольно сложно.

– Будь тут всё войско Эгара, может и не решились бы, но нас здесь мало, а значит лучше дожидаться остальных, – процедил старый вояка. – Редрик просто обязан убедить короля не соваться в этот проклятый лес.

– Думаешь, Светловолосый способен кого-то послушать? – Ройс перевёл взгляд на всадника, который гарцевал на белом в яблоках жеребце шагах в двадцати. – Посмотри на него, разве он нуждается в советчиках?

Эгар Колендейл, юноша семнадцати лет в лессвирском доспехе и алом бархатном плаще с золочёной массивной пряжкой на левом плече, больше походил на мальчишку переростка: в меру полноватое лицо с румянцем на щеках, чуть вздёрнутый нос, искрящиеся глаза, обрамлённые пышными ресницами. Свой проклёпанный позолоченными клёпками шлем с узким забралом, молодой король небрежно держал в руке. Белые кудри Эгара, за которые он и получил своё прозвище, трепетали, словно пшеничные колосья на ветру. Он то и дело поднимался в стременах, вертел головой, точно куда-то спешил. На фоне двух великанов-телохранителей, сопровождавших Светловолосого повсюду, он казался едва ли не подростком, хотя росту в молодом короле было никак не меньше шести футов. «Секира и Тюльпан» – герб дома Колендейлов, были изображены на притороченном к седлу щите; рукоять меча, висевшего на боку, укашал крупный рубин.

В отличие от своего отца Карела Седьмого, не желавшего лично участвовать в военных походах и отправлявшего на войну свои войска под руководством назначенных им лордов и прозванного за это Домоседом, молодой Эгар сам ринулся в гущу битв, едва лишь апасхи, узнав о смерти Домоседа и возложении короны на голову его сына, перешли северные рубежи королевства.

– Разряженный молокосос, – Харб сплюнул. – Хорошо хоть доспех не снял. Хватило ума. Ишь, как красуется, одержал пару побед и возомнил себя великим. Мальчишка – он мальчишка и есть.

– Ну и что, что мальчишка, зато отваги ему не занимать, – сказал Ройс.

– У вас, у молодых, совсем нет мозгов, – Харб не унимался. – И наш король не исключение. Думает что всех победил, ну уж нет – это только начало. Апасхи, в отличие от нас, знают этот край как собственную ладошку; и они не из тех, кто, получив по хребту раз-другой, переворачивается на спину, машет лапками и скулит. Эти ублюдки, хуже волков. На днях мы подрезали им хвосты, но поверь моему слову, не вырвали зубов. Уверен, что они уже зализали раны и ждут... ждут своего часа. Неужели мы всё-таки сунемся в этот туман? Видишь, ворон?

Ройс поднял голову. Тёмные точки усыпали небо над посадками. Ройс отвернулся, присел на колено, достал из сумки флягу и протянул Харбу.

– Думаешь апасхи спугнули птиц?

– Может они, а может, и нет, – пожилой воин сделал пару глотков. – Не напивайся. Если придётся драться, то лучше это делать с пустым брюхом. Представь, вокруг свистят стрелы, звенят мечи, а ты думаешь лишь о том, чтобы помочиться. И куда мы так бежим? Зачем?... зачем...

Ройс глотнул воды, омыл лицо и утёрся рукавом.

– Король спешит в столицу. Он хочет лично сообщить Луизе о победе над дикарями. Что в этом такого?

– Сообщить о победе, – передразнил Харб, – жене. Если бы он думал о нас, а не о бабах. Ты думаешь, королеве есть дело до наших побед? Я слышал, она всё ещё льёт слёзы по усопшему младенцу.

В этот момент прозвучала команда «вперёд».

– Ну вот! Что я говорил – мальчишка, – Харб сплюнул и, закинув копьё на плечо, нехотя двинулся вперёд. – Не мог дожждаться лорда Джея. Ох, чует моё нутро... – Колонна тронулась. Проходя мимо двух застывших в седлах всадников, Харб смерил обоих недобрым взглядом. – Ну ладно, король, а этот-то куда смотрит?

Ройс искоса глянул на лорда Редрика.

Младший брат Карела Домоседа, покойного отца Эгара, являлся полной противоположностью своему венценосному племяннику. Эти двое как будто воплощали собой родовой герб их славного дома: и если молодой Эгар был лёгок и свеж, как тюльпан, то лорд Редрик больше походил на тяжёлую, загробевшую от сотен боёв, остро отточенную секиру. Доспех, в который был облачён лорд Редрик, казался лёгким и непрочным, и лишь немногие знали, что на его изготовление пошла особая сталь, которая, несмотря на свою видимую тонкость, была способна выдержать не только попадание стрелы, но и удар боевого молота. Меч, щит и округлый шлем с рифлёным наносьем и верхушкой, не закрывающими обзора, не отличались изысканностью, но по качеству своему не уступали доспеху. Редрик перестал участвовать в турнирах, как только ему исполнилось семнадцать, но его умению владеть мечом и копьём завидовали самые отчаянные рубаки королевства. В отличие от своего старшего брата, который терпеть не мог турниров и битв и вообще не любил кровопролития, лорд Редрик по праву считался не только одним из лучших рыцарей королевства, но и носил славу одного из самых непобедимых полководцев Домоседа. Лорд Редрик принял участие в таком количестве сражений и одержал столько побед, что славу его мог, наверное, затмить лишь его отец и тезка старшего брата, тоже Карел по прозвищу Завоеватель, в войске которого Редрик и открыл счёт своим военным успехам. Редрика считали одним из отцов-основателей ланги, регулярного войска которым почти на протяжении всего времени его существования командовал сподвижник и друг лорда Редрика Джей Фармен – лангат короны.

Глядя на дядю короля, Ройс засомневался: пожалуй, Хабр прав, неужели, такой как он, не смог уговорить мальчишку не лезть на рожон и входить в лес? Весь облик лорда Редрика говорил о том, что он не из тех, кто способен терпеть неповиновение.

Чуть меньше сорока, волосы длинные с проседью, скуластое лицо, аккуратно постриженная борода. Острый как меч взгляд длинноволосого лорда заставлял каждого из проходивших мимо лангеров расправлять плечи и выпячивать грудь. Встретившись взглядом с Редриком, Ройс тоже вытянулся, но почти тут же отвёл глаза.

Первые ряды колонны уже спустились в низину и скрылись в тумане. Ройс перехватил древко копья, поправил сползающий щит.

Из леса тянуло холодом и пахло сырьём.

Злобная мошकारа тут же облепила лицо и шею, тонкие ветки цеплялись за одежду и доспех. Колонна, по три лангера в ряд, двигалась по узкой тропке, особенно тяжело приходилось тем, кто шагал впереди. Ройсу и Харбу повезло, они шли в самом хвосте строя. Харб, по-прежнему, что-то бубнил, Ройс то и дело поправлял щит. От кислого пота слезились глаза, Ройс на мгновение зажмурился и почувствовал, что что-то изменилось. Он и сам не понял, что произошло, но это что-то заставило мышцы напрячься. Ройс открыл глаза. Лишь глянув на шагавшего справа Харба юноша сразу всё понял. Понял, что изменилось. Харб больше не ворчал. Озирался по сторонам, вертел головой.

– Ты слышишь? – прошипел старый воин сквозь зубы.

– Что? То, что ты перестал бубнить?

– Птиц, дурень. Ты слышишь птиц?

– Ты снова о воронах?

– Причём тут вороны? Я говорю, про лесных птиц.

Ройс в очередной раз напряг слух. Птиц не было слышно.

– Хочешь сказать, что их спугнули апасхи?

– Теперь я в этом почти уверен, – Харб перевёл щит из-за спины и прикрылся им. Несколько лангеров, услышавших его слова, сделали тоже. – В лесу определённо кто-то есть, приготовьтесь, сопляки, показать ваши острые зубы, если они, конечно, ещё не стёрлись.

Ройс тоже поспешил перехватить щит, впереди раздались крики. По цепочке прозвучали команды: «Стой! Перестроиться! Сомкнуть щиты!».

Выполнить команду успели не все. Глухой и мерзкий, словно змеиное шипенье, свист нарушил тишину. Те стрелы, которые ударились о щиты, издавали лязг, но этот лязг чередовался с более страшными глухими шлепками. Эти звуки сопровождались криками боли. Ройс ощутил, что щит в его руке резко потяжелел. Пять, а может быть и шесть, стрел уже торчали в нём словно иголки в подушечке швеи. Королевские лангеры падали, как скошенные колосья. Корчась в грязи, кто-то просил о помощи, кто-то просто орал, были и такие, которые ревели как дети.

Нечеловеческий вой сотен глоток резанул слух, словно клинок из лучшей лессвирской стали, заставил до боли стиснуть зубы. Несмотря на молодость Ройс уже не раз слышал боевой клич апасхов. Сотни размалёванных обезображенных яростью лиц, лишь отдалённо напоминавших человеческие, появились среди листвы.

С полдюжины товарищей Ройса уже корчились в грязи. В рядах королевских лангеров образовались бреши. Апасхи бросились в атаку, размахивая топорами и копьями. Когда толпа нападавших врезалась в поредевший строй, он тут же распался. Приказы командиров заглушили новые вопли, пронзительные и протяжные.

Ройс выставил вперёд остриё копья, отступил чуть назад, приподнял щит и ударил снизу без замаха. Этому приёму его научил Харб. Ройс долго оттачивал эту технику, и как оказалось не зря. Первый противник дёрнулся, выронил топор и ухватился за древко копья, которое пронзило его насквозь. Ройс сшибся с поверженным врагом и оттолкнул его щитом. Апасх отлетел, но копья не выпустил, потянув юношу за собой. Ройс замешкался, и это чуть не стоило ему жизни. Другой нападавший огромной секирой едва не снёс Ройсу пол головы. Лишь в последнее мгновение молодой лангер успел уклониться и отскочить. Это движение стоило

ему копья. Сталь лишь коснулась волос. Выхватить меч Ройс не успел, в руках остался только щит. Сразу двое разрисованных апасхов принялись тыкать лангера длинными копьями. Эта парочка знала своё дело. Когда один бил в голову или в грудь, второй колол в пах и в ноги. «Ещё немного и мне конец, – рассуждал юноша, уклоняясь от очередного выпада, – если не удастся выхватить меч, они проткнут меня, словно свинью».

Когда один из нападавших рухнул к его ногам, Ройс выкрикнул что-то нечленораздельное. Неподалёку он увидел Харба, с его меча стекала кровь. Старый солдат прищурил глаза и схватился с очередным противником. «Станный он, – подумал Ройс. – Улыбается только в бою».

Ройс и сам уже не понял, как выхватил меч, как бросился вслед за Харбом. Он бил, толкал щитом, колол и рубил. Потом снова бил. Мысли улетучились, страх отступил, осталась только битва.

Ройс лишь на мгновение замешкался, когда увидел смерть Харба. На мгновение, не больше. Ни грусти, не обиды, ни злости в то мгновение он не испытал. Ройс продолжал сражаться, одержимый боевым безумием, но тут же пришёл в себя, когда снова увидел знакомое лицо. Как-то получилось, что лорд Редрик оказался рядом. Дядя короля бился неподалёку. Четверо телохранителей лорда, прикрывая своего господина, взяли его в кольцо. Когда один из них упал, Ройс сразу же занял освободившееся место. Потом упал второй, рухнул третий. Когда Ройс и лорд Редрик остались вдвоём в окружении дюжины апасхов, Ройс не чувствовал себя героем. Он не пытался спасти лорда. Просто понимал, что рядом с ним будет проще выжить.

Когда огромный бородатый апасх сбил Ройса с ног. Занёс над его головой огромный боевой молот, Ройс не закрыл глаз. Поэтому он увидел, как лорд Редрик проткнул здоровяка точно бурдюк с вином, а потом одним ударом снёс ему голову своим быстрым как молния клинком.

Звуки труб наводнили лес пронзительным гулом. Сквозь этот шум прозвучало знакомое до боли: «Секира и тюльпан! За короля!» К горлу подкатил ком, слезы едва ли не выступили из глаз. Ройс приподнялся на локтях и, откинув со лба слипшиеся перепачканные грязью волосы, разглядел ровные шеренги щитов.

Лангеры! Пеший строй! Джей Фармен подоспел вовремя.

После подхода основных сил битва в лесу закончилась почти сразу. Апасхи, те из них кто выжил, исчезли в листве. Густой туман рассеялся, солнце озарило лес, тот сразу наводнился птичьими трелями и шуршаньем листвы.

Ройс не сразу отыскал тело Хабра. Пожилой воин лежал заваленный трупами с рассечённой головой. «Больше не станет бранить меня, поучать и называть глупцом и мальчишкой, – Ройс глупо улыбнулся. – А ведь он был единственным, кто был мне дорог». Только сейчас юноша по-настоящему ощутил потерю. Отец и братья, которых он не видел уже лет пять, даже не вспоминал о них, они стали чужими, а Харб... Молодой лангер почувствовал, что кто-то сверлит его взглядом. Ройс обернулся. За спиной стоял лорд Редрик.

– Ты храбро дрался, лангер, – лорд посмотрел на неподвижное тело Харба. – Твой друг?

Редрик утратил свой прежний лоск, но не утратил величия. Он напоминал израненного медведя, только что разогнавшего собачью свору. Волосы, спадавшие на лоб, слиплись, закрыв один глаз, зато второй, по-прежнему, глядел холодно и пронзительно. Доспех Редрика был настолько помят, что напоминал выжатую после стирки рубаху, в двух местах зияли огромные дыры, одежда пропиталась кровью.

Ройс с трудом сдерживал дрожь:

– Его звали Харб. Он подобрал меня ещё мальчишкой и обучил всему: научил держать строй, биться в шеренге и на мечах. Хотя... если честно, он был ужасным занудой, – Ройс шмыгнул носом и, выдавив улыбку, закусил губу.

Лорд Редрик кивнул.

– Твоё умение сражаться – это умение солдата, хорошего солдата, но всё же... просто солдата. Я мог бы научить тебя большему. Например, ты неправильно отражаешь боковой удар, а ещё у тебя проблемы в защите. Особенно против длинного копья, – Редрик расставил ноги, повернулся вполоборота, – Если встаёшь в эту позицию...

– В основном меня учили биться в строю, используя щит и копье.

Лицо Редрика натянулось, рот скривился.

– Никогда не перебивай меня на полуслове, лангер!

Краска залила лицо, Ройс опустил голову.

– Прошу прощения, милорд. Я совсем забыл про манеры.

– Манеры? Ты обучен манерам?

– В лангеры идут не только крестьяне. Я младший сын рыцаря Эдварда Дагги, он погиб, служа вашему отцу.

– Из семьи рыцаря? Если так... Хочешь служить мне?

Лёгкий холодок пробежал по спине, Ройс посмотрел по сторонам.

– Для меня было честью сражаться рядом с вами...

– Что? Тебя что-то смущает?

– Я лангер и давал клятву. Если лорд Джей не станет возражать.

– От таких предложений не отказываются, – строго произнёс Редрик. – Лорд Джей не станет тебя удерживать, поверь мне.

– Если так, то я готов служить вам, милорд, только...

– Если откажешься – это будет уже вторая твоя ошибка, солдат. – Ройс обернулся, перед ним вырос безбородый великан с плоским усталым лицом и кустистыми бровями.

Джей Фармен – лангат короны, как и остальные лангеры, носил синий плащ; его пластинчатый доспех, состоящий из бронзовых блях, – каждая из которых была величиной с подкову – издавал при каждом движении шкрябающий звук.

– Что вы хотите этим сказать, лорд Джей? – забеспокоился Ройс. – Ошибку?... Я допустил какую-то ошибку? Не понимаю.

– Посмотри туда, – лангат смотрел на нескольких воинов, которые грузили на носилки безжизненное тело.

Вне всякого сомнения это было тело Эгара Светловолосого. Пышные локоны молодого короля слиплись в бесформенную массу, а юное лицо покрылось кровавой коркой. Золочённый доспех, изготовленный лучшими мастерами Лессвира не спас молодого Колендейла, в панцире на самой груди зияла огромная прореха от удара топором. Джей Фармен продолжал:

– Отказавшись от такого предложения, ты допустишь вторую ошибку, а первая твоя ошибка в том, что ты продолжаешь называть стоящего перед тобой человека милордом, – лорд Джей перевёл взгляд на Редрика. – Светловолосый не имел, ни братьев, ни сестёр и не оставил нам наследника. Этому мальчику повезло, ваше величество; будем считать, что он первый присягнул вам. Позвольте же мне стать вторым? Король умер! Да здравствует король!

Лорд Джей припал на колено и склонил голову.

– Да здравствует король! – повторили десятки голосов, сотрясая сталью.

Часть первая

Мальчишка из заведения под названием «Мятный кабан»

Глава первая, в которой мы поведаем о некоторых особенностях мест общественного размещения и проживания, а также о взаимоотношениях их обитателей

– Подойди, мой мальчик. Не бойся.

Пит обернулся, Ульри стоял в дверях, держа руки за спиной. На покрытом трёхдневной щетиной лице владельца «Мятного кабана» красовалась сальная улыбка.

– Да, хозяин? – Пит вытер руки о штаны и сделал пару шагов.

Мальчик? Что это значит? Ублюдок, маленькая дрянь, шлюхино отродье – обычно его называли именно так, а тут...

– Чего застыл? Иди же сюда, – Ульри поманил пальцем и протянул свёрток с какими-то тряпками. – Вот возьми, переоденься. Только сначала хорошенько вымойся и причешись. Хотя нет! Сходи сначала к Джулии, пусть она подровняет твои лохмы, а то ты похож на эту... ну, как её, как же зовут эту мохнатую образину?

– Кого, хозяин?

Пит с интересом рассматривал поношенные, но довольно сносные, а главное чистые вещи – рубаху и штаны.

– Эту, как её?.. собаку Эльзы.

– Нолли, – подсказал Пит.

– Нолли!!! Точно! Ты похож на Нолли, да и воняет от тебя не лучше, – Ульри поморщился, – псиной воняет.

Пит отступил, вскинул руку, понюхал засаленный рукав. Ничем таким от него не воняло. Пит повёл пятернёй по волосам, а с ними-то, что не так?

– Кстати, ты знаешь, что эта зверюга снова забралась к нам в чулан? Всё там перевернула! Разбила кувшин, просыпала муку, целый мешок, и спёрла здоровенный шмат буженины. Тварь! Когда найду её, отхожу палкой. Или нет. Я отрежу уши, – Ульри осклабился. – И Эльзе припомню. Всё припомню, – Ульри сжал кулаки – и эту её проклятую тварь...

– Нолли, – снова подсказал Пит.

– ...да, да, Нолли, и безмозглую каргу Берму. Оставила в чулане две корзины с бельём и забыла про него. Совсем без памяти старуха. А бельё-то сырое! Ты только подумай, эти тряпки пролежали там две недели. Две недели! В сыром чулане! Наволочки, простыни, пара одеял – всё позеленело, покрылось пятнами, будто в эти тряпки заворачивали коровье дерьмо. И чем мне теперь заправлять койки для новых постояльцев?..

Ульри продолжал ещё что-то говорить, но Пит его уже не слышал. Он знал, что Ульри терпеть не может Берму, помощницу прачки Эльзы, но сейчас он не хотел думать о том, что станет с Бермой, Эльзой и даже этой лохматой псиной – Нолли, которая была в общем-то весьма неплохой собаченцией – огромной и очень ласковой, хотя и слюнявой. В голову Пита тут же закралось страшное подозрение: «Хозяин хочет, чтобы я снова прислуживал мэтру Шлохо, а то с чего это он такой добрый, принёс чистую рубаху – сам?»

«Мятный кабан» являлся двухэтажным строением, под которым располагались винный подвал и собственная пивоварня. На первом этаже имелись две кладовые, питейный зал и кухня, на втором помимо комнаты хозяина было пять гостевых, в которых можно было разместить до двух десятков постояльцев, и это не считая закутка, где ютились Джулия и толстуха Ханна со своими маленькими оборванцами, мальчиками трёх и пяти лет – такими же толстыми и краснолицыми, как и их мамаша. Дом и конюшню с хлевом для скота окружал высокий забор с резными воротами, во дворе имелся колодец с питьевой водой. Пит всегда трудился на конюшне и в свинарнике. Постояльцев же – таких как толстяк Шлохо, – обычно обслуживала племянница Ульри Красотка Джулия, крупная губастая девица с раскосыми зелёными глазами. Приятная глазу особа и мягкая на ощупь, так о ней говорили завсегдатаи из Щучьего Зуба, местные пьянчуги, которые любили приходить в заведение, отведать здешней еды, попить пива и просто потрепать языком.

Мэтр Шлохо – деревенский бакалейщик, плешивый толстяк с волосатыми руками и висящим животом, огромным как у толстухи Ханны, был как раз из таких. Его дом и лавка располагались на окраине Щучьего Зуба, так что в комнате он не нуждался. Мистер Шлохо просто любил приходить в «Мятного кабана», полакомиться бараными потрохами с гречневой кашей, и не забывал каждый раз запивать их изрядным количеством тёмного пива. Шлохо, как и большинство здешних выпивох, был равнодушен к прелестям Красотки Джулии. Любил, подпив, усадить девицу на колени, помять её пышную грудь или просто хлопнуть по заду. Джулия при этом визжала, кричала и замахивалась то подносом, то тряпкой, но никогда не приводила в исполнение своих угроз. И вот однажды, когда Джулия была занята на кухне, Ульри возложил заботу о госте на Пита. Этот день мальчик вспоминал с содроганием.

Когда Пит приблизился к столику, толстяк-бакалейщик тут же оживился и принялся постукивать по себя по ляжкам своими похожими на телячьи сардельки пальчиками. Перед Шлохо на столе, уже стояли четыре опустошённых кружки, тарелка с мясным рагу тоже оказалась пустой. Пит принялся собирать пустую посуду и, вдруг, почувствовал потную и влажную руку на собственной спине. Пит отпрянул. Бакалейщик вытер ладошкой вспотевший лоб, причмокнул покрытыми тонким слоем бараньего жира губами, весь зашевелился, заёрзал. Казалось, что только второй подбородок толстяка продолжал спокойно лежать на выпяченной груди, всё остальное его тело двигалось и трепетало.

– Желаете ещё пива, мэтр? Может ещё рагу? Есть паштет из зайчатины... – Пит не успел закончить фразу, потому что толстяк ухватил его за руку, повыше локтя, и притянул к себе.

– Не знал, что у Ульри работают такие миленькие мальчики. Ваша Джулия лапочка, но по сравнению с тобой, мой маленький красавец, – она сущее ничтожество. Напрасно твой хозяин так долго прятал тебя на конюшне?

Пит задрожал, почувствовал холод внизу живота и едва не обмочился.

– Простите, мэтр. Если вы не желаете зайчатины, могу предложить пирог с капустой и мочёные яблоки...

Пит снова не договорил. Толстяк уцепился за бок, прижал к себе, пухлая ладошка стала медленно опускаться вниз, коснулась бедра. Пит дёрнулся, ухватился за край стола, но бакалейщик держал крепко. Тогда Пит рванулся, что было сил, и опрокинул всё, что находилось на столе. Бакалейщик втянул голову в плечи и воровато огляделся. Однако поняв, что никто ничего не заметил, он разразился отборной бранью:

– Маленький гадёныш! Что это такое? Ты испортил мою куртку! А штаны... – бакалейщик оттолкнул Пита, тот отлетел как мячик, упал, ударившись о соседний стол. Шлохо сморщил лицо, и оно приобрело вид раздавленного помидора. Ульри появился будто бы ниоткуда.

– Что такое? Мальчишка вам нагрубил?

– Этот сопляк испортил мою одежду! – взвизгнул бакалейщик и добавил уже шёпотом: – Раз он так бережёт свой зад, сделай так, чтобы на нём не осталось живого места. Всыпь этому выродку как следует, не то ноги моей больше не будет в твоём проссаном гадюшнике.

В тот день мэтр Ульри не просто надавал Питу затрещин, как это бывало обычно – почти каждый день. Хозяин высек мальчика, за сараем, прямо напротив конюшни. Красотка Джулия, Ханна и несколько посетителей наблюдали эту сцену. Пит сгорал от стыда, понимая, что все они смеются и смотрят на его обнажённый зад. В тот день Пит поклялся, что отомстит им всем. По крайней мере, мэтру Ульри и Джулии – именно она хохотала и подшучивала над мальчиком громче всех. Лишь Ханна не смеялась, а когда Пит после порки спрятался в сарае, толстуха на цыпочках пробралась к нему и сунула в руку плачущего мальчика большое сочное яблоко.

Это случилось две недели назад; синяки на спине Пита ещё не успели зажить. Если этот толстяк Шлохо опять явится в пивную и снова захочет прикоснуться к нему. Мальчик сжал кулаки.

Увесистый шлепок вывел Пита из оцепенения.

– Негодник! Я для кого это всё говорю? Ты почему меня не слушаешь?

– Простите, мэтр. Вам показалось.

– Показалось? О чём я только что говорил?

Голова Пита вжалась в плечи.

– Вы говорили... говорили про бельё и про постояльцев.

Ульри почесал заросший подбородок, но тут же выдавил улыбку. Обычно выгнутые дугами брови приняли совсем необычную форму, рот вытянулся в тонкую гаденькую полоску.

– Ладно, врунишка, если ты всё понял, иди. Приведи себя в порядок и будь готов встречать гостей. Можешь даже поспать. Господа приедут только к вечеру, а может и завтра, поутру.

Поспать? Это днём-то? Что же с ним такое? Пит искоса посмотрел на хозяина и заметил, что руки хозяина подрагивают. Волнуется. Он сказал, господа? Значит, сегодня Питу предстоит обслуживать не Шлохо, а знатных персон?

Пит вытянул губы и со свистом выпустил воздух.

В «Мятном кабаке» в последнее время останавливались лишь небогатые путешественники: мелкие торговцы, ремесленники и крестьяне. Бывали и обычные бродяги: бездомные и побирушки, стремящиеся пожить за чужой счёт. Самыми важными, и в тоже время опасными, считались наёмники и контрабандисты. Эти, подпив, часто вели себя как заправские лорды: сорили деньгами и требовали дорогих кушаний и вин. Хотя порой именно они вели себя хуже обычных разбойников. Не раз такая клиентура оставляла Ульри без оплаты, а то и устраивала в «Мятном кабаке» обычный погром.

Пит закусил губу. Кого же мы ждём? А-а-а... плевать, главное, что ему не придётся снова терпеть обхаживания мистера Шлохо. Пит подхватил свёрток, прошмыгнул под самым локтем Ульри и выбежал во двор.

Ложиться спать днём Пит, естественно, не собирался. Как бы он не уставал, как бы ни работал по ночам, всё это не заставило бы его уснуть среди бела дня. Поэтому мальчик сразу же побежал на кухню. Он приоткрыл дверь и увидел в щель Красотку Джулию.

На женщине было синее платье в рубчик, белый, относительно чистый, передник; волосы Джулии на затылке стягивала широкая жёлтая лента – чистая, хотя и немного затёртая. Красотка Джулия что-то варила, это что-то пахло бараньим салом, чесноком и рубленым укропом. Правда, все эти ароматы перебивал рыбный запах.

Ханна, круглая как шар, сидела на лавке неподалёку от Джулии и, широко расставив ноги, ржавым ножом потрошила озёрного леща. В своей серой мохнатой безрукавке, обнажавшей пухлые руки, в мятой бесформенной юбке из козьей шерсти, Ханна напоминала Питу доброго балаганного медведя. Того, что привели однажды на постоянный двор заезжие скомо-рохи-лицедеи. Женщина часто надувала губы, трясла головой и всё время что-то бормотала под нос. Чешую и кишки Ханна бросала в грязную глиняную миску, при этом косилась на сидевшую в сторонке тощую чёрную кошку. Ты часто облизывалась, шевелила усами, но подойти не решалась. Рядом с Толстухой, прямо на полу, расположились два косматых карапуза.

Пит принялся, закрыл глаза и, некоторое время, наслаждался ароматами кухни. Джулия ловко орудовала половником, который придерживала двумя пальцами, время от времени, втягивала внутрь свои пухлые губы, и вытирала вспотевший лоб краешком передника.

– Говорю же тебе, – надменно вещала Джулия, – прежде чем прыгать в койку к очередному наёмнику или торговцу, включай свои куриные мозги. Зачем тебе такая орава карапузов?

– Почему сразу орава? По-моему, иметь парочку детишек должна любая женщина.

– Ещё чего? Мне вот и одного не надо. Заботься о нём, корми, – Джулия сложила руки на груди и устремила взор к потолку. – Женщина должна думать в первую очередь о себе. Через три года мне стукнет сорок. Раз уж я не удосужилась к этому времени выйти замуж, то теперь скорее всего и не выйду. То есть – останусь одна.

– А как же Ульри?

– А-а-а... – Джулия махнула рукой. – Это не в счёт. Лезет ко мне, когда зачесется, а так... При любом удобном случае он всегда подкладывает меня под богатенького гостя. Правда потом устраивает сцены ревности, особенно когда напьётся. Ты же знаешь. К тому же мы ведь с ним родственники. Вот если бы мне в своё время достался какой-нибудь богатей, тогда бы я, глядишь, и подумала о ребёнке, а раз уж нет... Но у меня хватило ума не забрюхатеть в молодости, и я этим горжусь. Не то, что ты, нарожала чумазных выроdkов – теперь мучайся.

– Какие-никакие, а они мои. – Ханна с нежностью посмотрела на сидевших на полу толстячков. Один из мальчиков постоянно ковырял в носу, второй тёр покрасневший нос пухлой ладошкой и часто-часто моргал.

– Вон Ульри, тоже туда же, – не унималась Джулия. – Зачем он держит здесь этого Неряху? Ума не приложу. Ведь он нам даже не родня.

– Ты про нашего Неряху?

– Про него. Про кого же ещё? Его мамаша, исчезла навсегда, хотя и обещала вернуться. Это всё ты. Называла его маленьким карапузом и тискала. А что теперь, он превратился в грязного ублюдка, не способного без приказа вымыть руки и расчесать себе волосы. У... терпеть не могу этого дармоеда.

– Да хватит тебе. Он же неплохой парень, к тому же, помогает хозяину, от него есть польза.

– Польза? Не смей меня. Какая от него польза? Больше вреда. То испортит что-нибудь, то сломает. Помнишь, как он облил того толстяка? А ведь с него можно было денежки поиметь. Такого безрукого и бестолкового недотёпы я в жизни не встречала.

При этих словах Пит сжал кулаки, дверь скрипнула. Увидев мальчишку, Джулия нахмурилась. Её правое веко дернулось несколько раз. Года три назад, один из клиентов, у которого Джулия затребовала слишком высокую цену за совместно проведенную ночь в сарае на соломе, ударил женщину в висок так, что та едва не лишилась глаза. К счастью глаз не вытек, но с тех пор Джулия немного косила.

– Подслушиваешь?
– Меня прислал хозяин, – буркнул Пит, – стрись.
– Стри-и-ись, – передразнила Джулия.
– Могу пойти позже.
– Ладно, пойдём, – Джулия вытерла руки о подол и бросила Ханне: – Пригляди за кастрюлей, я скоро.

Они устроились у забора, за домом. Голый по пояс, Пит сидел на деревянной чурке, чихал и щурился, пока Джулия огромными ножницами подравнивала его сбитые в сосульки кудри. Пит уже не помнил, когда же последний раз он подвергался подобному издевательству. Ножницы страшно лязгали, то возле глаз, то возле ушей. Несколько волосков повисли на носу, но Пит боялся пошевелиться.

– Вы только посмотрите, какие волосы достались этому крысёнышу; пышные, густые, и во что он их превратил? – Джулия, потянула Пита за ухо, тот тихонько пискнул. – Сиди спокойно и не вертись, а то ухо отрежу.

Пит задержал дыхание, ужасные ножницы лязгали у его виска.

– Интересно, отчего это такой богатый господин так заинтересовался тобой? – продолжала Джулия. – Повезло тебе.

Пит дёрнулся. Несколько волосков, висевших на кончике носа, попали в ноздрю. Пит принялся чихать, но получив очередную оплеуху, съёжился и пропищал:

– Богатенький? И кто же он такой?

– Настоящий красавец! И дежежки у него водятся, – Джулия пригнулась и понизила голос, – хоть и старается это скрыть. Плащ запылён, рукава кафтана затёрты – всё вроде бы простенькое, поношенное, но меня не проведёшь. Я видела, из чего сшита его сорочка, что виднелась из-под кафтана. Голхардский шёлк. Уж я-то знаю, сколько такая может стоить. А медальон на шее, а кольцо? Руки ухоженные, пальцы длинные, как у музыканта, а речь?.. а повадки? Самый настоящий лорд. – Джулия снова дёрнула Пита за ухо. – Если он даст тебе деньги, не вздумай их припрятать.

Питу вспомнились потные и волосатые руки толстяка Шлохо. Джулия прижалась к плечу мальчика грудью, Пит почувствовал её тепло. А что если этот лорд тоже начнёт его тискать?

– Не хочу я ему прислуживать! – буркнул Пит, за что тут же получил щелчок по темени.

– Не дури, за всё уже заплачено. Из-за твоих капризов хозяин не должен терпеть убытки.

Из кухни послышался грохот, вслед за которыми раздались громкие завывания Толстухи Ханны.

– Что там у тебя? – рявкнула Джулия.

– Кошка! Стянула рыбину! Я бросила в неё тряпку и попала в кастрюлю, – послышалось из окна. – Кастрюля... она чуть не упала...

– Безрукая жирная дрянь. Никто в этом доме ничего не может сделать, чтобы что-то не загадить, – Джулия отпихнула Пита и двинулась в сторону дома.

– Я успела её подхватить, просто немного ошпарилась, – выкрикнула Ханна.

Джулия крикнула Питу напоследок:

– Я закончила, а теперь мыться и одеваться, и помни, что я тебе сказала про деньги, а то при следующей стрижке я и в самом деле отрежу тебе ухо.

Пит и нехотя побрёл к забору, возле которого стояла огромная бочка с водой.

Глава вторая, в которой Пит узнаёт, что чердак является тайником не только для перепуганных насмерть мальчиков, а потом вспоминает странную историю, которая произошла с ним ровно неделю назад

Весь день Пит нервничал, не мог ничего делать. Правда, ни Ханна, ни сам Ульри, ни даже Джулия его больше не тревожили. Пит немного побродил по двору, потом спрятался в сарае и обдумывал, как ему поступить. Когда за дверьми послышались голоса, Пит весь сжался, но увидев, сквозь щель, что у ворот столпились несколько рыбаков из Щучьего зуба, немного успокоился. В засаленных куртках, бесформенных шапках и штанах с обвислыми коленками, эти люди не казались Питу такими уж страшными, несмотря на довольно угрюмые, злобные и некрасивые лица. Однако, когда мэтр Ульри, крикнул мужчинам что на сегодня заведение закрыто, Пит снова заволновался.

– Ульри! Ты в своём уме?

– Пусти нас, мерзавец! Иначе мы спалим твою лачугу!

– Сегодня был трудный день, и нас мучает жажда! – кричали разочарованные выпивохи.

– Идите, идите. Все комнаты на эту ночь сняты, пивная для всех тоже закрыта. Нечего вам тут ошиваться, – отвечал Ульри примирительно, при этом велел Джулии вынести рыбакам кувшин медовухи, каравай и пару кусков сыра и не брать при этом с них никакой платы.

От такой щедрости рыбаки тут же успокоились. Пит гадал: «Значит этот лорд скупил весь постоянный двор, со всеми его помещениями и услугой?» Глядя, как возмущённые посетители уходят в сторону Щучьего Зуба, мальчик наконец-то решился.

Щучий зуб – довольно крупное, по представлению самого Пита, рыбацкое поселение в несколько сотен дворов, раскинулось вдоль берегов Щучьего озера рядом с дорогой, идущей из Голхарда. Там, где начинался крутой изгиб, имелись два ответвления. Основная дорога уходила на юг, на Лессвир, две другие забирали вверх. Одна вела к морю, вторая проходила через Гиблые пущи и вела к владениям северных лордов. Именно тут, у этой самой развилки, прадед мэтра Ульри и построил когда-то постоянный двор, он же придумал ему название.

Ульри унаследовал «Мятного кабана» от своего отца, когда тот ещё считался процветающим заведением. Купцы из Голхарда устремлялись на юг, через Лессвир добирались до южного побережья, везли свои знаменитые кольчуги, мечи и другое оружие, с юга везли зерно и рыбу, горцы севера привозили меха. Однако в последнее время, когда Гиблые пущи наводнились разбойниками и грабителями, а контрабандисты с Сафских островов стали по морю переправлять привезённые от южан-кочевников товары, дорога потихоньку опустела, поэтому «Мятный кабан» большую часть времени пустовал.

До того, как доходы упали, помимо Джулии, Пита и толстухи Ханны, которая тоже являлась Ульри какой-то дальней родней, в заведении работало гораздо больше людей. Ульри держал двух кухарок, повара и собственную прачку, на конюшне трудился наёмный работник из местных крестьян. Но в последнее время все эти люди поразбежались. Когда прачка Ульри косоглазая Лана, сбежала в Лессвир, прихватив при этом всю дневную выручку, хозяин стал обращаться за помощью к Эльзе. Дом Эльзы находился через дорогу, на самой окраине Щучьего зуба.

Ульри и Эльза перессорились из-за Нолли и испорченного белья, поэтому у Эльзы его искать никто не станет, решил Пит. Зато с чердака Эльзы виден весь двор и все строения «Мятного кабана».

Пробравшись на соседний двор, Пит прошмыгнул мимо двух дремлющих прямо на земле дворняг. Те, признав своего, даже не шелохнулись. Забравшись по шаткой лестнице, Пит юркнул в узкое отверстие и, убедившись, что никто за ним не следит, прикрыл за собой дверь, двигаясь на ощупь, сделал пару шагов. От пыли засвербело в носу. Маленький беглец напыжился и, всё-таки, чихнул.

Питу показалось, что этим он переполошит всех жильцов, но никакого подобного не случилось. Прикрыв лицо рукавом, Пит пробрался к маленькому окошку на другом конце чердака и выглянул наружу. На улице стояла ночь. Луна и звёзды освещали двор, и никаких признаков

погони не наблюдалось. Пит облегчённо вздохнул, вытер рукавом вспотевший лоб и наступил в какую-то жижу.

Пол чердачного помещения был усеян голубиным помётом. Что ж, придётся потерпеть. Вонь – не то, чего Пит обычно страшился. Бодрствовать всю ночь он не собирался. Глаза уже немного привыкли к темноте, и вскоре Пит начал различать предметы. Заметив, в углу, целую гору разного хлама, беглец принялся его ворошить. Старое одеяло и ворох драных вонючих тряпок вскоре превратились в подобие постели. Свернувшись в клубок, Пит устроился поудобнее и уже собирался закрыть глаза, как вдруг услышал, что лестница, ведущая на чердак, скрипнула.

Значит, за ним следили. Или просто кто-то решил влезть на чердак? Посреди ночи, но, зачем? Судя по тому, как скрипела лестница, это явно не кошка.

Пит зарылся в тряпки и забился в самый угол. Дверь скрипнула, и кто-то ввалился на чердак. Свет ударил в глаза, Пит прищурился. Масляная лампа в руках женщины чадила. Запах перегара ударил в нос – это же Берма, служанка прачки Эльзы. Берма была бы последней из тех, кого Ульри послал бы на его поиски.

Сколько лет этой женщине точно, никто не знал, зато все знали то, что Берма наделена всеми теми болячками и недугами, которые обычно приносит человеку глубокая старость: склерозом, заболеваниями суставов, печени и всего прочего, что находится у человека внутри. Помимо этих болезней старуха Берма, по словам Джулии, страдала маразмом и ежедневно выпивала столько вина, сколько способна выпить целая команда моряков, вернувшихся из дальнего плавания. Кроме того, Берма вечно шмыгала носом, часто чихала и была глуховата на оба уха. Несмотря на всё это Пит втянул голову в плечи и задержал дыхание.

Женщина проковыляла мимо и стала рыться опилках, которыми был усыпан пол. Когда Пит увидел, что в руках Бермы появилась здоровенная бутылка, он облегчённо вздохнул. Женщина сделала несколько больших глотков – судя по бульканью, в сосуде было никак не меньше пинты – рыгнула и уселась на пол чердака. Губы женщины беззвучно шевелились, изо рта то и дело вырывалось громкое бульканье. Питу стало смешно, старуха пьяна в стельку. «А ведь она может тут застрять на всю ночь, – снова забеспокоился Пит. – Будет хорошо, если хотя бы уснёт...»

Старуха затянула пиратскую песню:

*Над парусом чёрный колышется флаг,
Волна наше судно качает.
Команда бесстрашных и злобных бродяг
Хохочет, а ветер крепчает...*

Пит снова начал нервничать.

Очевидно, Берма забыла слова. Она выругалась, снова приложила к бутылки и потом долго вставляла пробку. Уходит, обрадовался Пит, и тут пыль снова попала в нос. Он чихнул.

– К-к-то здесь? – просипела старуха и прижала бутылку к груди. – Это ты, Эльза? Ты сно-о-ова следишь за мной? А зачем?.. Думаешь, что я пью твоё вино? Я купила это вино на свои деньги и не смей его трогать! Не отдам!

Прятаться не было смысла, Пит приподнялся.

– Неряха? Ты-то чего тут забыл? – спросила женщина.

Пит никогда особо не обижался на это прозвище.

– Прячусь... от хозяина. Я кое что взял... взял без спроса. Ульри меня пришибёт, если сейчас попадусь ему под руку. Ты ведь меня не выдашь?

Берма хохотнула.

– Спё-ё-ёр что-то у этого бол... болвана. И-и-ик. А что спёр?

– Кусочек окорока и копчёную куриную ножку, такую большую...
– Хе-хе... ик... стащил куриную ногу, ну ты и ловкач, Неряха. Д-д-да... А я и не знала, что ты такой ловкий маленький воришка.

– А ещё... а ещё опрокинул кувшин с вином, – придумывал Пит на ходу.

– С вином? Целый кувшин?

Пит понял, что этого не стоило говорить.

– Это было старое, прокисшее вино. Да и было-то там, всего лишь на доньшке.

– Лучше бы ты его тоже стащил... и принёс мне. Л-л-ладно, это всё меня не касается. Можешь сидеть здесь сколько хочешь, я никому не скажу. Только и ты не говори, что видел меня здесь, а если прикоснёшься к моей бутылке, – Берма погрозила мальчику кулаком, – надеру уши. П-п-понял?

– Я не пью вино, – сказал Пит, – не пил ни разу.

– Не пьёт он, знаю я вас таких. С такими как ты, дремать не стоит, только отвернись, враз что-нибудь сопрёте. Когда я была помоложе, то знала одного парня, он раньше был акробатом и веселил публику на базарных площадях, а потом бросил это ремесло и стал вором. По ночам забирался в дома, умудрялся даже на верхние этажи... Это в городе было, там много высоких домов. Да-а-а... Не думай, я не всю жизнь прожила в этом захолустье. Когда я жила в Голхардее... у... А какое там вино. В Голхарде всегда ошивались моряки, настоящие моряки...

– Вы, кажется, собирались уходить, – робко намекнул Пит.

– Не перебивай меня, негодник. Так вот, когда я жила в столице, а впрочем... – Берма махнула рукой и снова приложила к бутылке. – Ух... Ты прав, мне и в самом деле пора. Там у Эльзы в чулане припрятана... Т-с-с. Я тебе ничего не говорила.

Шатаясь, Берма пошла к лестнице. Слезая с чердака, она едва не упала, но в последний момент смогла повиснуть на руках. Рит с ужасом созерцал всё это, опасаясь не только за старуху, но и за себя. А что если она упадёт и от её крика сбежится вся округа? Но Берма всё-таки смогла спуститься и лишь только оказалась на земле, стала ругать Эльзу, Ульри и старую лестницу, которую некому починить. Потом женщина запела во весь голос:

*Стоит у руля одноглазый моряк,
Он хмурится и точно знает.
Что каждый из встреченных им бедолаг
На дне свою смерть повстречает...*

Послышались гневные крики, но Берма не унималась. Когда звуки песни стихли, Пит завалился на своё ложе. Похоже, старая пьяница уже позабыла о нём. Мальчик вытянулся и закрыл глаза.

Разбудили его цоканье копыт и голоса, доносившиеся со стороны «Мятного кабана». Пит бросился к окошку и увидел всадников, их было шестеро, все в высоких шапках и в плащах. В поводу они вели ещё двух, навьюченных лошадей. Похоже, знатный лорд привёз свою свиту. Пит услышал бряцанье стали, у всех прибывших было оружие. Не слишком-то эти люди похожи на слуг знатной особы – больше на разбойников. Всадники въехали во двор, спешились, один из них поднялся на крыльцо и тихо постучал. В окнах загорелся свет, мэтр Ульри с фонарём, в одной рубахе, выбежал во двор.

– О, мы ждали вас с вечера, мы никак не думали, что вы прибудете ночью. Все номера для вас уже готовы и, как вы приказали, я выпроводил всех постояльцев, а тех, кто пожелал напиться, просто выпроводил вон. Нет, не подумайте, что я жалею о том, что выпроводил их. Вы же всё оплатили. Да-да, дали хорошую цену, но и я постарался. Чистое бельё, мягкие кровати и лучшая свинина в округе и вино...

– Говори тише, – сказал первый гость, – не то переполошишь всю округу.

Пит порадовался, что выбрал для укрытия именно это место. Он слышал всё, о чем говорили хозяин и его странные гости.

– Да-да, конечно. Так я о вине. Это белое с виноградников малой Сафы. Отведав его, вы не пожалеете, что приехали сюда и потратили свои деньги. Но если хотите красного, или креплёного далийского...

– Хватит болтать, – огрызнулся чужак. – Мой господин интересуется, сможет ли ему прислуживать тот самый мальчишка, которого он видел здесь, когда побывал здесь в прошлый раз? Где мальчик, хозяин хочет его видеть.

– Да-да, конечно, так я про вино...

– Ты что идиот? Где мальчишка? Приведи его сюда. Немедленно.

– Мальчишка? Вы же говорите про нашего Неряху... – лицо Ульри стало похоже на перезревший помидор. Он обернулся. В дверях появилась Джулия и развила руками.

Значит, они хватились меня только сейчас, понял Пит, и его сердце забилося сильнее.

– Хозяину нужен тот мальчик. Тот, не другой, именно тот. Ты готов нам его показать.

Ещё один из гостей подошёл к Ульри и тихо сказал:

– Если мальчика не будет, не будет и сделки. Ты не только не получишь оставшуюся сумму, но и вернёшь задаток. Ты готов показать нам своего мальчишку?

В этот момент Джулия подошла к гостям, фонарь в её руке осветил лицо второго незнакомца, и Пит его узнал: «Он же был здесь, этот самый лорд. Я уже видел его, точно видел».

Это произошло примерно неделю назад. Был самый обычный день, и несмотря на то что посетителей в трактире было довольно много, трое из них заметно отличались от прочих. Они сидели в самом дальнем углу и вели себя тихо: не кричали, не играли в кости и ничего не пили. Судя по тому, что они попросили четвёртый стул, они явно ждали четвёртого. Джулия, учуявшая наживу, обхаживала незнакомцев с особым усердием: улыбалась, то и дело наклонялась, позволяя гостям заглянуть в разрез её платья и оценить пышную грудь. Джулия гордилась своими формами и при любом удобном случае выставляла их напоказ.

Все трое были одеты в простые походные одежды, их можно было бы принять за торговцев, если бы не чистые и ухоженные волосы, аккуратно стриженные бороды и усы. Джулия, когда подошла, недовольно фыркнула:

– Странная троица. Одеты прилично, и явно при деньгах, да только ничего не едят. И смотрят куда-то... не туда куда надо смотрят, – она поправила корсет, отчего её грудь приподнялась и округлилась. Гости тем временем тихо перешёптывались. – Я же говорю, что не туда смотрят. Пойду ка я лучше поухаживаю за их соседями, эти хоть и чумазные, да рыбой от них воняет, зато сразу видно, что они не то что эти... Обслужи эту троицу сам. Похоже денежек от них не дождёшься.

Джулия направилась к соседнему столику, за которым сидели пятеро пьяных рыбаков из Щучьего Зуба. Они что-то бурно обсуждали, о чём-то спорили, смеялись и то и дело требовали эля.

Лишь только Джулия отошла, Пит увидел, что один из гостей манит его пальцем. Он собирался подойти, но гость остановил его жестом.

– Подожди. Стой там, где стоишь. Уж больно запах от тебя... – он достал платок и приложил его к носу. – В вашем заведении всегда такая грязь и так много народу?

Этот был круглолицый крепыш с торчащими как пики усами. У него было необычайно красное лицо и тонкие ровные брови. Пит застыл в нескольких шагах от стола и пригладил ладонью волосы.

– Два дня назад Толстуха Ханна вымыла тут полы. А Красотка Джулия, та что принесла вам мясо и вино, после предыдущих посетителей всегда протирает стол. Что же касается того, что зал почти полон, так это да. У нас очень хороший трактир, все местные очень любят здесь бывать, часто проводят здесь свободное время.

– Обычный придорожный трактир. Здесь собираются одни отбросы, – второй незнакомец, бледный морщинистый старик, отодвинул от себя тарелку. – Еда здесь ужасная, вино больше похоже на уксус, а уж эта девица... От неё пахнет брагой и потом. И кто только прозвал её Красоткой? Меня тошнит от её кривляний, даже больше чем от принесённого ей жаркого. Это что – чьи-то внутренности?

– Отварное сердце и лёгкие молодого барашка, – уточнил Пит. – С чесноком и кинзой. Если она вам не нравится, могу принести наше основное блюдо – свинину, запечённую в листьях мяты. Если господа изволят подождать, а пока, могу предложить кровяной колбасы...

– Замолчи, мальчик, а то меня стошнит. И в следующий раз не подходи так близко. От тебя воняет ещё больше, чем от твоей Джулии. Унеси всё это и принеси воды, чистой воды. Надеюсь, её вы набираете не из луж.

– А кружки с элем, их тоже уносить? – поинтересовался Пит.

– Уноси. Всё уноси и пошевеливайся. Какой же ты бестолковый!

Третий посетитель, довольно крупный седовласый мужчина со шрамом на лбу, покачал головой и протянул Питу монету.

– Мы ждём здесь друга, нам не нужны ни еда, ни этот эль. Просто принеси чистой воды, за которую мы заплатим, как за лучшее ваше вино. Ступай, мальчик, я не хочу, чтобы нам мешали.

Пит бросился собирать со стола и задел круглолицего плечом. Тот, состроив гримасу, оттолкнул мальчика, тот отшатнулся и почувствовал что-то под ногами. Раздался громкий кошачий вопль. Чёрная кошка, та самая, которая часто таскала рыбу у Толстухи Ханны, оказалась под столом и, похоже, Пит умудрился наступить ей на хвост. В следующее мгновение поднос с бараньими потрохами и кружки с элем полетели в разные стороны. Пит грохнулся, перевернув соседний столик, брызги от поппали круглолицему на сапог.

– Мерзавец! Тебе это даром не пройдёт! – возмутился мужчина.

– На тебя попало лишь несколько капель, – вступился за Пита седовласый. – Ты же сам толкнул его, к тому же тут очень некстати оказалась эта кошка.

– Несколько капель? Это слабо сказано! – зашипел круглолицый. – Ублюдок сделал это специально. Его возмутило моё замечание о том, что от него плохо пахнет, вот он и устроил всё это.

– Я согласен с Аланом, – завопил старикан. – Я всё видел, мальчишка это специально устроил. Готов в этом поклясться.

Старик подскочил к Питу и замахнулся, тот зажмурил глаза, но удара не последовало.

Когда Пит приоткрыл один глаз, то увидел, что все трое чужаков снова сидят за столом, потом почувствовал, как кто-то положил руку ему на плечо и снова сжался.

– Не бойся, мальчик. Никто из этих господ не сделает тебе ничего плохого.

Пит обернулся.

Тонкие усы, борода, стриженная клином, пристальный взгляд. Мужчина кивнул приятелям и строго сказал круглолицему:

– Успокойтесь, друг мой. Вы же обещали, что не станете привлекать к себе лишнего внимания. Спокойнее. Спокойнее, милорд – на нас смотрят. И я же просил – никаких имён.

Потом он отвёл мальчика от стола, взял его за подбородок и заглянул в глаза. Пит ругал себя за неуклюжесть, вспоминая историю с мэтром Шлохо. Ему очень хотелось убежать, но незнакомец его не отпускал.

Тонкие пальцы мужчины были холодны, голубые глаза сверлили его, словно пытались проникнуть внутрь. Если бы не чрезмерная бледность незнакомца, его по праву можно было бы назвать красивым, хотя Пит не особо разбирался в мужской красоте. Многочисленные морщины вокруг глаз говорили о том, что он многое перенёс, вся одежда была добротной, но изношенной. Наконец гость отстранился и отвёл руку. Пит снова сжался, ожидая удара, но незна-

комец лишь поправил волосы, достал платок и вытер руки. В этот момент, у столика появился перепуганный Ульри, он скорчил глупое лицо и булькающим голосом просипел:

– Господа, заведение возместит все убытки. Будьте уверены. А мальчишка, – Ульри погрозил Питу кулаком, – будет наказан. Простите. Тысячу раз простите.

Четвёртый гость, тот самый, кто явился последним, толкнул Пита в бок и прошептал на ухо:

– Убирайся отсюда сейчас же, – потом ухватил Ульри за рукав и отвёл в сторону.

Они беседовали примерно минуту, за это время Ульри то и дело косился на забившегося в угол Пита. Потом Ульри закивал и бросился к перепуганному мальчику. На этот раз наказания не последовало, Ульри вытолкал Пита из зала и сказал ни показываться сегодня никому на глаза.

Сейчас, сидя на чердаке, Пит рассматривал именно его – того самого четвёртого странного гостя, который тогда вступился за него.

Воспоминания прервали громкие крики. Ульри, Джулия, несколько людей прибывшего господина, даже толстуха Ханна носились по двору, ругались. От мысли, что это из-за него начался весь этот переполох, Питу едва не заплакал. Что же это такое? Он отскочил от окошка, забился в угол, зажмурился и пролежал так несколько часов.

Поначалу всё было тихо, лишь редкий мышинный писк беспокоил перепуганного беглеца. Пит уже начал наедаясь, что всё обойдётся, как вдруг услышал собачий лай. Без сомнения лаяла Нолли – та самая псина, которой мэтр Ульри, накануне, собирался отрезать уши. Потом послышались тихие голоса, скрипнула лестница. Когда дверь чердака открылась, и яркий свет осветил всё вокруг, Пит всё ещё лежал в пыли, обливаясь потом. Когда чьи-то руки вытащили его из пыльной кучи тряпья, Пит открыл глаза. Худощавый незнакомец, тот самый, что первый вступил в беседу с Ульри, сильно потрянул Пита.

– Он здесь! Старуха не обманула! – крикнул мужчина и, повернувшись к Питу, спросил: – Сам спустишься, или мне скинуть тебя вниз?

Когда Пит спустился по лестнице, тот увидел всех: загадочного постояльца и его слуг, Ульри, Джулию и Ханну. Отдельно стояли Эльза и Берма.

– Ты же обещала, – прогнусавил Пит сквозь слёзы, проходя мимо женщин.

– Извини, дружок, – пожала плечами Берма. – Я бы не стала выдавать тебя, если бы тебя искал Ульри; ты знаешь, что я не терплю этого ублюдка. Но тебя хочет видеть совсем другой человек, а он настоящий лорд и умеет убеждать. Ты неплохой парень и всегда мне нравился, но не настолько, чтобы я отказалась ради тебя от пяти серебряных монет.

Глава третья, в которой Пит попробует сафский виноград, познакомится поближе с несколькими примечательными личностями, а после этого навсегда распрощается с «Мятным кабаном» и его обитателями

Бок болел, ягодицы ломило так, что Пит с трудом передвигался. Морщился при каждом шаге. За то, что он ослушался и сбежал, Ульри не просто отшлёпал, он избил мальчика так, что тому показалось, что у него сломано ребро. Мучения продолжались лишь несколько минут, но это было самое страшное избиение за всю его жизнь. При этом Ульри не бил по лицу. «Лорд Альберт хочет, чтобы ты был красивым, значит, будешь красивым, – приговаривал трактирщик, нанося очередной удар, – но твои спина и зад навсегда запомнят, как от меня бегать и нарушать мои приказы». После избиения Ульри запер мальчика в чулане, а когда новый постоялец занял свою комнату, трактирщик лично отвёл Пита к нему.

Пит проклинал Ульри, проклинал Берму, Джулию и больше всех заезжего лорда. Если бы он только мог выбраться из этого проклятого места...

Гость восседал за столом, выпрямив спину и чуть приподняв подбородок. Одна его рука держала серебряный бокал на тонкой ножке, второй мужчина крутил между пальцами небольшую медную монету. Блюдо с фруктами и изящный кувшин из белоснежного сафского фарфора стояли рядом на устланном белой скатертью столе.

– Почему ты прятался? Тебя что-то напугало? – Мужчина на этот раз одет был в походный серый кафтан, из-под которого выступала белого цвета сорочка, тонкая и лёгкая, словно паучья паутина и бежевые шерстяные штаны.

От взгляда Пита не ускользнуло, что ворот и рукава сорочки выглядели довольно потрёпанными: очевидно, эту её довольно часто стирали, возможно даже штопали. Сапоги гостя из мягкой оленьей кожи, немного вытертой, были перетянуты под коленями тонкими ремешками с золочёными пряжками, одна из пряжек была слегка выгнута. На широком поясе с узорным теснением висел длинный кинжал с изогнутой рукоятью с набалдашником из слегка пожелтевшей слоновой кости. Настоящих господ он представлял себе чуть иначе.

– Не хочешь говорить? – продолжал незнакомец.

– Я испугался. Мне раньше не доводилось встречаться с такими как вы. Ведь... вы – лорд?

– Лорд? – монета в пальцах мужчины на мгновение застыла и тут же снова забегала с прежней скоростью. – Я был рождён лордом, но потом... потом... меня лишили титулов и званий, и теперь у меня нет, ни земель, ни преданных вассалов. Одним словом – нет ничего. Правда я очень сильно хочу вернуть свой титул и всё, что к нему прилагается. Ведь если чего-то очень сильно захотеть... к тому же у меня есть деньги. Много денег.

– Ну вот. Значит всё-таки лорд. А мне ни разу не приходилось общаться с лордами, поэтому я и испугался.

– Неужели для тебя присутствие такого как я, страшнее, чем общество, ну скажем, какого-нибудь пирата, разбойника или контрабандиста? – гость повёл бровью.

– От них знаешь чего ожидать, к ним я уже привык. К таким, как вы – нет.

– А мне кажется, что ты что-то скрываешь. Зачем? Мне кажется, что ты парень не робкий, не верю, что лишь громкий титул так тебя напугал. Такие как ты мальчишки обычно любопытны и довольно бесстрашны.

– Такие как я?

– Такие как ты: простолюдины, бездомные бродяжки или те, кто вынужден с ранних лет сам зарабатывать себе на хлеб, сироты в конце концов.

– Я не бездомный, и не бродяжка! – вскинув голову, гордо заявил Пит.

– Но ведь ты сирота. Твой хозяин сказал, что твоя мать подбросила им тебя...

– Моя мать умерла, – Пит сжал кулаки и нахмурил лоб. – Так сказала Толстуха Ханна.

– Вот видишь! Значит ты им не родной. Не похоже, что тебе здесь хорошо живётся и люди, обитающие в этом доме, любят тебя.

Пит с трудом сдерживал злость, бок заломило ещё сильнее. Ему хотелось что-то ответить, наругать этому лорду или швырнуть в него чем-нибудь тяжёлое. Или хотя бы опрокинуть на него этот поднос и кувшин с вином. С другой стороны он понимал, что чужак прав. Он, Пит Неряха, здесь не нужен никому. Кроме Толстухи Ханны никто не был с ним добр, сколько он себя помнил. Но у Толстухи есть свои дети, зачем её любить чужого. Все в этих местах не любят его, и дразнят, и бьют. Вон даже эта вечно пьяная старая карга Берма, и та выдала его богатому гостю, прекрасна зная, что за это его будут пороть. Гость, внимательно наблюдавший за реакцией Пита, снова ласково заговорил:

– Пойми меня, дружок, я не хотел тебя обидеть. Кроме того, я вовсе не желаю тебе зла. Наоборот, хочу помочь. Только ответь, чем я тебя так напугал, что ты спрятался на чердаке?

Пит гневно выкрикнул:

– Один из наших постояльцев всё время ко мне пристаёт! Он пытается погладить меня, всё время говорит ласковые слова, а сам... А мэтр Ульри... в общем он не против этих приста-

ваний. Но я не хочу, что бы кто-то меня гладил. Когда хозяин заставил меня вымыться, остриг и придел, как девчонку, я подумал, что вы... Я слышал, что многие богатые господа любят не только женщин, – от собственной смелости и смущения Пит залился краской и напоследок процедил сквозь зубы: – В общем если вы приехали сюда, чтобы гладить меня и тискать...

Громкий смех помешал мальчику закончить фразу.

– Гладить? Тебя? – мужчина вынул из кармана тонкий платок и утёр выступившие на глазах слёзы. – Посмотри на меня. Разве я похож на человека, который подвержен похоти?

– Никогда не угадаешь, кто ей подвержен, этой вашей похоти, а кто нет, – ответил Пит, надув щёки.

Мужчина тут же перестал смеяться, убрал платок и сказал уже серьёзно:

– Я не интересуюсь мальчиками, даю тебе слово. Я предпочитаю женщин, точнее лишь одна женщина представляет для меня интерес.

В глазах незнакомца сверкнула огонёк.

– Тогда зачем вы приехали сюда? Вашим друзьям совсем не понравилось у нас. Они ругали всё: нашу еду, напитки, даже Джулию, которая прислуживала им за столом. Джулия нравится всем мужчинам, которые приходят сюда. Даже таким, которые, – Пит замялся, – которые приставали и ко мне.

Мужчина скривил лицо.

– Неужели ты думаешь, что меня возбуждают трактирные девицы. Говорю же, я люблю лишь одну женщину и хочу добиться её признания, – гость задержал дыхание, – и ты мог бы мне в этом помочь. Это моя большая тайна и я доверяю её тебе.

– Помочь, но как?

– Меня зовут Альберт Кохни. Можешь называть меня лорд Альберт, или просто милорд. Тебе ведь не сладко живётся в этом захолустье, населённом пьяными старухами, похотливыми бакалейщиками и вульгарными девицами. Твой хозяин с тобой жесток, а я мог бы изменить твою жизнь. Изменить раз и навсегда. Я хочу забрать тебя из этого ужасного места. Избавить от этих людей, которые не ценят тебя и издеваются над тобой. Для начала ты должен будешь поехать со мной, что бы я познакомил тебя с той самой женщиной, о которой я тебе рассказывал.

– Это ещё зачем? – вновь насторожился Пит. В его голове снова завертелись тревожные мысли. А что если этот человек врёт?

– Я хочу, чтобы ты произвёл на неё впечатление, понравился ей.

– Понравиться благородной леди? Думаете, я смогу?

– В таком виде, конечно, нет. Тебе нужно будет измениться, научиться правильно говорить, сменить причёску и отмыться от грязи.

– Я регулярно моюсь в бочке, Джулия недавно стригла меня, просто на чердаке было столько голубиного помёта, что мои волосы слиплись.

Лорд Альберт рассмеялся. Для того чтобы превратить тебя в приличного юношу я нанял специального человека. Он мастер своего дела, и тебе придётся слушаться его. Признаюсь, для такого как ты это будет нелегко.

– Но ведь это не труднее, чем чистить конюшни и отхожие места.

– Не труднее, и я уверен, что ты справишься со своей задачей.

Лорд Альберт встал, монета в его пальцах снова забегала быстрее. Пит почувствовал азарт. Лорд Альберт задумался о чём-то, потом резко заговорил:

– Эта женщина живёт на одном из островов Сафского моря. Ты слышал о Сафских островах? Чтобы туда добраться, нужно долго плыть на корабле. Ты, когда-нибудь ходил под парусом? Море, чайки, простор. Тебе это понравится.

– Я всегда мечтал увидеть море.

– Ты увидишь море, я даже порошу капитана, чтобы он дал тебе возможность самому постоять у руля.

– Постоять у руля? Мне?

– Тебе, тебе, – гость подошёл к Питу и положил руку ему на плечо, но тут же отёрнул. – Сколько же времени ты просидел на своём чердаке?

– Совсем недолго, я залез туда вечером, а нашли меня уже под утро, – Пит посмотрел на поднос с фруктами и спросил: – Скажите, это и есть настоящий виноград. Я много слышал о нём, но никогда не пробовал. Да что там говорить, если честно, то я и вижу его впервые.

– О... прости, я должен был раньше об этом подумать. Бери и ешь, сколько хочешь. Вот виноград, груши, фробские сливы. Там, куда мы с тобой отправимся, такой виноград растёт повсюду. Если ты согласен мне помогать, то ты никогда не будешь голодать. Сядь за стол и поешь.

– Никогда-никогда? Даже если в чём-нибудь провинюсь. Мэтр Ульри за некоторые мои провинности не только порол меня, но ещё и лишал еды.

Лорд Альберт подошёл к столу, указал Питу на место за столом и подвинул поднос с фруктами.

– С этого дня тебя не будут порот, и у тебя всегда будет много пищи, но за это ты должен будешь стараться. Ты понимаешь меня?

Лорд Альберт легонько подтолкнул Пита к столу. Тот снова почувствовал боль в боку, но не придал вину, подошёл, уселся и сунул в рот несколько ягод. Он едва не подавился. Мягкий медовый вкус наполнил рот слюной. Пит проглотил ягоды, почти не жуя. Ему очень хотелось съесть ещё, но он не решился. Виновато посмотрел на лорда и сказал:

– Я хотел бы поплыть на корабле. Но, боюсь, мэтр Ульри не отпустит меня.

– Забудь навсегда про этого человека. Ты будешь жить в достатке: есть и пить, сколько хочешь, носить дорогие одежды, никто и никогда не станет домогаться тебя. Но не забудь, ты должен будешь понравиться той женщине, о которой я говорил.

Пит слушал и совал в рот ягоды одну за другой, виноградный сок тёк по щекам, что-то хрустело на зубах.

– А мэтр Ульри точно меня отпустит, – произнёс Пит с набитым ртом. – Я знаю, что Джулию я раздражаю, но хозяину нужен кто-нибудь, кто убирал бы в свинарнике и чистил отхожие места.

– Я найду способ убедить твоего хозяина. Я очень богатый человек.

– А если я не понравлюсь той женщине, что тогда?

Лорд Альберт подошёл к Питу, взял за подбородок, приподнял.

– Почему-то мне кажется, что ты понравишься ей. Об этом я позабочусь. Ты умеешь ездить верхом? – Пит потупился. – Так я и думал, это усложняет дело, но думаю, мы с этим справимся. Кстати, можешь выпить вина. Это фробское белое, тоже с островов, – лорд Альберт наполнил кубок. – Это очень хорошее вино, только не пей много, это вино быстро кружит голову. И больше не ешь виноградные косточки, иначе у тебя случатся колики. Научиться правильно есть – тоже очень важно.

Оставив Пита наедине с фруктами и вином, странный гость вышел из комнаты.

Оставшись один, Пит тут же схватил бокал и набросился на содержимое подноса.

Ночь он провёл на сеновале, возле лошадей. Уснул сразу, хотя всё время ворочался и кричал от боли. Ему снилось море, путешествия под парусами, огромные гроздья винограда и красивые замки. Проснувшись, Пит почувствовал, что боль в боку поутихла, зато появилась резь в животе, голова трещала. Сколько же он вчера выпил этого вина? Да и на подносе, когда он уходил, лежали только ветви винограда без ягод и косточки от слив. Пит вышел из сарая, пошатываясь, и направился к отхожему месту.

Когда он оттуда вышел, навстречу ему выбежала Нолли и, поднявшись на задние лапы, забросила передние ему на грудь, лизнула в лицо. Пит отмахнулся от собаки и поспешил дальше. Толстуха Ханна, когда увидела Пита, подошла и, сунув ему в руку кусок пирога, украдкой шепнула:

– Тебя вчера досталось, я знаю. Вот, возьми. Он с курятиной, очень вкусный. Джулия сказала, что ты от нас уезжаешь?

– Тебе-то что? – Пит отмахнулся и не стал брать пирог. – А это отдай своим карапузам.

– Ну знаешь... – возмутилась Ханна и тут сама откусила кусочек от пирога.

О том, что его мутит от еды, Пит говорить не стал. Выйдя во двор, он увидел мэтра Ульри, тот у здоровенной колоды, ошипывал тощего цыплёнка и насвистывал себе под нос. Пит остановился, почесал затылок и, придерживая рукой штаны, осторожно приблизился к хозяину.

– Доброе утро, мэтр... как вам спалось?

– Кто тебя учил так подкрадываться к людям со спины? Чего ты тут шастаешь, ты уже собрал свои вещи?

– Все мои вещи – это то, что надето на мне. Я хотел спросить, – Пит втянул голову в плечи.

– Валяй, – пробасил Ульри.

– Я тут подумал. Мне ведь совсем неплохо живётся у вас, мэтр. Вы и мисс Джулия всегда были ко мне так добры...

– Ну, и... – лицо Ульри скривилось.

– Я просто подумал, что я мог бы остаться. Не уезжать с этими людьми...

Пит застыл на полуслове, потому что Ульри стиснул бледно-розовую тушку так, что позвоночник и рёбра цыплёнка хрустнули, словно скорлупа лесного ореха под сапогом великана. Щёки мужчины надулись, лицо приобрело пунцовый оттенок и снова стало похоже на перезрелый помидор.

– Ты знаешь, сколько золотых теймов за тебя уплачено, гадкий мальчишка? И ты хочешь, чтобы я вернул их нашему гостю? Я растил этого оборванца! Ухаживал за ним и заботился как о собственном сыне, а он!.. Он хочет лишить меня кровно заработанных денег! А это ты видел? – Ульри сунул под нос Пита кулак. – Если ты ещё хоть раз заикнёшься о том, чтобы остаться, или если наш любезный гость вдруг передумает, я взгрею тебя. Убирайся, что бы я тебя больше не видел. Мерзавец! Негодай!

Ульри ещё долго что-то кричал, но Пит, уже забежал за конюшню, и тут на глаза ему попался один из людей лорда.

Это был коротышка в коричневой шерстяной куртке, плечи которой свисали едва ли не до локтей. Смешная шапка сидела на голове, прикрывая уши. Мужчина был уже не молод, и был прям как палка и надменен как индюк. Когда Пит вышел за ворота, он увидел, что коротышка идёт следом.

«Похоже его приставили следить за мной? Это всё Ульри, намекнул лорду, что я могу снова удрать, вот тот и приставил ко мне этого коротконового», – размышлял Пит, косясь на плетущегося за ним мужчину. Тот то и дело сдвигал назад свою огромную шапку и поправлял готовый выпасть из-за пояса кинжал.

Пит воровато огляделся, и сиганул в ближайшие кусты.

– Подождите. Подождите же, молодой человек, – бросился следом, запнулся о корень, упал и выронил при этом кинжал.

Пит остановился. Коротышка сидел на земле и тянул себя за ворот куртки.

– За чем? Зачем я на это согласился? Я не желаю носить эту ужасную одежду и выдавать себя за деревенщину. Зачем мне нужен этот нож? Я ненавижу оружие, я создан для другого.

Пит подошёл ближе спросил:

– Это мэтр Ульри вас послал за мной следить?

Коротышка поднялся, вытянул шею точно гусь.

– Я не знаю никакого мэтра Ульри. Моё имя Рикон, я твой будущий наставник. И не смотри на мой странный костюм и на этот злосчастный клинок. Это всё лишь временно, чтобы не бросаться в глаза.

– Ваш лорд хочет, чтобы я понравился какой-то женщине. Не скажите, кто она?

– Я ничего про это не знаю. Лорд Альберт так любит секреты. Это Эйн попросил меня приглядывать за тобой, – коротышка сделал паузу, – не смей больше от меня убежать.

Пит рассмеялся, но тут чья-то рука легла ему на плечо. Цепкие пальцы сильно сжали плечо, Пит обернулся.

– Ты познакомился с коротышкой, теперь пора познакомиться и со мной.

Говоривший, тот кто не так давно отыскал его на чердаке, был довольно высок. Чернобровый, с длинными прямыми волосами и взъерошенной бородой. Улыбка на тонких губах незнакомца скорее походила на грозный оскал, он говорил гнусаво, сквозь зубы. Волосы его были стянуты налобной повязкой, одет он был в коричневую стёганую безрукавку с ровными рядами стальных клёпок. Поверх безрукавки мужчина носил потемневший от времени, местами помятый, нагрудник из прессованной кожи. На поясе, помимо кинжала, висел меч, короткий, но довольно массивный. Глаза его сияли так яростно, что у Пита тут же пропало всякое желание спорить и сопротивляться.

– Ты как всегда много болтаешь, Рикон, – обратился к коротышке бородач. – Я велел тебе присмотреть за мальчишкой, а не болтать с ним, и уж тем более не обсуждать планы хозяина. Тем более, здесь, где так много ушей.

– Я просто решил с ним познакомиться, а он...

– Снова хотел удрать?

Пит опять почувствовал урчание в животе.

– Я вовсе и не думал бежать, – жалобно проверещал он.

Мужчина, державший его, нагнулся к самому уху и прошептал:

– Этот болван Рикон – суший простофиля, от него даже гусеница сможет удрать. Я – не такой. Хозяин велел за тобой присмотреть, и я присматриваю. Попытаешься сбежать, я тебя достану, – мужчина притянул Пита ближе. – Меня называют Эйн Гуриец. Я недавно в этих краях, но там, откуда я родом, моё имя наводит страх даже на тех, кто посильнее и посмышлёнее тебя. Помни, я смотрю за тобой, а значит, ни один чердак больше не станет для тебя надёжным убежищем.

В день отъезда Пит ни с кем не хотел разговаривать. Ульри и Джулия занимались своими делами, а вот Ханне он снова нагрубил, когда та пыталась всучить ему мешочек с тыквенными семечками. Сама мысль о том, что его продали приводила Пита в бешенство. Лорд Альберт заперся в своей комнате, его люди готовились к отъезду. Пит нервничал всё больше и больше. Этот лорд, без земель и родового имени, слишком уж походил на самозванца. Пит весь день просидел в сарае среди кур и свиней, при этом изгрыз себе ногти. Кончики пальцев покраснели, что вызывало ещё большее раздражение. Потом выяснилось, что выезд назначен на вечер.

Куда же он так спешит – этот таинственный Альберт Кохни?

Последние слова Гурийца тоже не выходили у Пита из головы. Приятной неожиданностью стало появление Рикона. Перед отправкой коротышка сменил свой походный костюм на светскую одежду. Пит даже присвистнул, когда впервые увидел своего нового знакомого в, по всей видимости, в привычной для него одежде. На этот раз на Риконе был хорошо подогнанный и суженный в талии зелёный кафтан с галунами, узкие светлые штаны, на ногах красовались коричневые башмаки с золочёными пряжками и на квадратном каблуке. В общем выглядел теперь Рикон очень даже благородно и на лорда, по мнению Пита, даже больше чем сам Альберт Кохни.

Рикон заглянул в сарай и гордо сообщил, что поедут они в повозке.

Неужели они поедут на карете, настоящей, с огромными колёсами, какие он видел на картинках – с резной люлькой, подвешенной на гнутых рессорах, с орнаментом и узорами, с высоким облучком? Но то, то Пит увидел потом, его немного разочаровало.

Это была старая четырёхколёсная подвода, в которую была впряжена такая же захудалая лошадка, буро-пегая с обрубленным хвостом. Пит хорошо знал эту повозку, знал и её хозяина – Транжиру Ганза, тощего торговца рыбой с лысой макушкой, вечно красным лицом и носом, похожим на сморщенный баклажан. Оказывается, после приезда лорда Альберта и его людей, Ганз заявился в «Мятного кабана» в поисках выпивки. Ульри выпроводил его, как и тех выпивох, что приходили накануне, но Ганз успел познакомиться с одним из людей Кохни, долговязым Мелом, которому было поручено разыскать транспорт для мальчишки. Узнав о проблеме и почувствовав запах денег, хитрый торгош тут же предложил Мелу свою развалюху. На этой повозке Транжира Ганз регулярно возил в город пойманный рыбаками-селянами улов. Повозка досталась Ганзу ещё от его папаша, а кому она принадлежала до этого – уже не знал никто.

Когда повозку увидел Рикон, он разразился гневной тирадой:

– Мы не можем ехать на этой рухляди. Она же развалится на первом ухабе. Что такое? От неё воняет!.. воняет рыбой! Меня уже тошнит!

– Так иди и сунь два пальца в рот, пусть тебя вывернет. Может хоть тогда ты заткнёшься, хотя бы ненадолго, недомерок, – зло проворчал Мел.

Его такая повозка, видимо, вполне устраивала. Рикон аж подскочил и замахал руками.

– Гони колымагу обратно – туда, где взял и ищи другую, на этой я никуда не поеду.

Мел отшвырнул вожжи и сжал кулаки.

– Если тебе нужна королевская карета, то боюсь, что не смогу тебе помочь. Так что, закрой свой рот, а заодно и заткни чем-нибудь свой чувствительный нос и занимайся своими делами. А не хочешь, так надевай снова эту хламиду и поезжай верхом.

К повозке подошёл ещё один из людей лорда Альберта. Это был невысокий смуглый крепыш в вытертой кожаной куртке. Голова здоровяка было обрита наголо, шея была такой короткой и мощной, что казалось, что её просто нет, вали здоровяка Джаго. Он подмигнул своему приятелю и сказал:

– Мел, может чтобы он меньше принохивался, стоит сломать ему нос? – здоровяк заржал.

– Давно собираюсь это сделать, но боюсь, что наш лорд этого не одобрит, а вот когда получу свои денежки, подумаю об этом.

Рикон, с возмущённым видом бросился в дом.

– Смотри, жаловаться побежал. Как бы ни влетело тебе от лорда, – продолжал посмеиваться Джаго.

– Не очень-то я его и боюсь, если бы не Гуриец...

Пит с интересом наблюдал за ссорой и не заметил, как сзади к нему подошёл ещё один из слуг лорда Альберта, мрачный паренёк с осунувшимся худым лицом, с тёмными впадинами под обоими глазами. Приятели называли его Малыш Гук.

– Тебя тоже пугает запах рыбы, мальчик? – сказал Малыш.

– Я привык к запаху рыбы.

– Тогда прыгай в повозку, пора ехать.

Пит попятился, но парень ухватил его за руку и подтолкнул.

– Коротышка сказал, что никуда не поедет. Транспорт и в самом деле никудышный. Может и впрямь поискать что-то получше? – в присутствии этого парня, Пит ощущал страх. – Я знаю, в Щучьем Зубе есть мельник по имени Хугар, у него...

Пит не договорил, потому что палец Малыша Гука прижался к его губам.

– Тебе сказали садиться, значит садись.

Пит отступил и прижался спиной к повозке, ему просто хотелось потянуть время, а вдруг Ульри передумает... Если сам лорд Альберт показался Питу славным малым, то его слуги внушали страх, в особенности Гуриец и этот Малыш.

– Но коротышка сказал...

– Эйн сумеет убедить нашего маленького друга, и он займёт место кучера, даже если ему придётся при этом дышать через раз.

Вскоре действительно появился Рикон, мрачный как ночь, в сопровождении Гурийца. Эйн что-то шепнул Джаго, и они с Мелом выпрягли из повозки буро-пегую, заменив её парой выючных лошадок, загрузили провизию. Рикон занял место кучера, его лицо выглядело так, будто он только что проглотил стручок жгучего перца.

Открылась дверь, и из дома вышел лорд Альберт. На нём был просторный плащ с капюшоном, из-под которого торчали ножны длинного меча. Джаго подвёл коня, и лорд взобрался в седло.

– Вы выезжаете втроём, но не переживай, мы скоро вас нагоним, – сказал Малыш Гук.

– Разве лорду не положена охрана? – удивился Пит. – Дороги небезопасны.

Малыш усмехнулся.

– Сэр Альберт способен и сам за себя постоять. Чего не скажешь о твоём вознице.

Возмущённый Рикон бросил на парня недобрый взгляд, но так как из дома вышел Гуриец, высказывать свои замечания парню он не стал.

Ульри и Красотка Джулия даже и не вышли его проводить. Мальчик увидел лишь, Толстуху Ханну, которая напоследок, через окошко, помахала ему рукой. Откуда ни возьмись, появилась лохматая Нолли. Она долго бежала за повозкой, высунув язык и виляя хвостом. Рикон замахнулся на собаку кнутом, та отскочила и разразилась лаем. Потом она отстала, и Питу стало совсем страшно и одиноко.

Глава четвёртая, которая подтверждает истину о том, что дурные предчувствия имеют свойства сбываться

– Опять Ханна не закрыла окно. Налетело дряни, хоть из дому беги. Вот возьму и поколочу эту толстую корову, – Ульри взял тряпку и прихлопнул огромную ночную бабочку, сидевшую на столе возле коптящей лампы. – Закрой окно, пока в него ещё кто-нибудь не залетел.

Он сидел на смятой кровати, свесив ноги. На мужчине была длинная ночная рубаша до колен. Джулия, также одетая лишь в лёгкую ночную сорочку, подошла к окну.

– Голуби загадили подоконник, – сказала женщина.

– Это всё Ханна, прикармливает их, а они гадят. Один из них сегодня даже влетел к нам в окно, еле выгнал его, чуть подсвечник не перевернул. Терпеть не могу этих тварей.

– Если птица влетела в окно – жди беды. – Джулия захлопнула окошко, подошла к камину и стала сгребать угли кочергой.

Ульри завалился на спину.

– Ты, что замёрзла? Или ко мне, я тебя согрею. Не хочешь? Что-то я тебя не узнаю, мы заработали хорошие деньги, надо радоваться. Или ты переживаешь из-за этого мальчишки? Что-то я не припомню, чтобы ты его любила.

– На мальчишку мне плевать. Кому нужен такой грязнуля?

– Вот именно, поэтому ты должна радоваться, что мы провернули такую удачную сделку.

– Если мальчишка такой никчёмный, зачем этот чужак вывалил за него такие деньги? Сколько он тебе заплатил?

Джулия повесила кочергу на крюк и подошла к кровати, Ульри приподнялся на локтях.

Пока женщина ворошила угли, она немного вспотела, отчего лёгкая полупрозрачная сорочка приклеилась к телу. Ульри вытер ладонью губы и устремил взор на проступившие сквозь ткань огромные соски. Джулия нахмурилась и одернула рубаху.

– И не думай об этом больше, ты своё получил. Как же вы мне все надоели: ты и твои вонючие посетители. Всем вам нужно только одно.

– Не бурчи, иди лучше ко мне, – Ульри протянул руку.

Джулия отступила.

– Так ты мне не ответил. Сколько?

– Двойная плата за все наши комнаты за неделю, плюс десять золотых теймов за мальчишку. Представь, что это за деньжищи. Я, конечно, мог бы всё забрать себе, но, если ты будешь послушной девочкой, я поделюсь с тобой.

– Тут что-то не так!

– Что не так? Щедрый простофиля укатил, денежки у нас. Что тут может быть не так?

Джулия подошла к двери, прижалась к ней ухом, потом вернулась и заговорила тихо:

– Лорд с коротышкой уехали, но четверо его людей всё ещё здесь. Странные они какие-то. Лорд явно не беден, но его одежды так изношены, будто он носит их, не снимая. Коротышка заявился к нам похожим на пугало оборванцем, и вдруг напяливает на себя наряды, в которых не стыдно явиться на королевский пир. И это несмотря на то что ему уготовано стать простым возницей для нашего Неряхи. Странно всё это... очень странно. Чернобородый и парень, похожий на скелет, смотрят так, точно готовы тебя съесть, а дылда и здоровяк – настоящие бродяги с большой дороги.

– Я слышал, что здорового они называли мясником.

– Джаго Мясник – это же прозвище. Очень сомневаюсь, что он промышляет рубкой мяса. Скорее всего потрошит купцов на большом тракте. И долговязый ему под стать.

– Подумаешь. Тут у нас проходной двор, тут проезжают разные люди. В том числе и бродяги с большой дороги, и контрабандисты, и даже беглые солдаты, а ещё наёмники.

– Только все они не знают, что у тебя припрятаны золотых десять теймов, не считая двухнедельной платы за все комнаты нашего заведения. Да чтобы получить такие деньги, эти четверо прирежут тебя и глазом не моргнут...

– Зачем им было отдавать эти деньги нам, чтобы потом ограбить? Ты в своём уме? – Ульри махнул рукой, достал из-за кровати бутыл. – Смотри, что у меня есть.

– Что это, откуда это вино? – воскликнула Джулия.

– Предлагаю отпраздновать сделку, – оскалился Ульри. – Это не просто вино с Сафы, это фробское белое, такое делают только на юге в двух провинциях, у него самый тонкий вкус.

– Я спрашиваю, откуда оно у тебя? Ты стянул бутылку у нашего гостя?

– Почему сразу стянул? Он очень спешил, вот и оставил корзину, а в ней целая дюжина таких бутылок.

– Может он оставил вино для своих людей?

– Не думаю. Сама посуди, чернобородый и тот тощенький парнишка со змеиными глазами всё это время пили только воду, а здоровяк и дылда не способны оценить тонкий вкус фробского белого. Они лакают только медовуху и эль. Перестань, говорю же, наш гость свою корзину просто забыл.

– А ты не думаешь, что этот лорд может вернуться?

– Не думаю, ведь он так спешил.

Джулия покосилась на дверь. Ульри снова потянулся к Джулии, но та резко ударила мужчину по пальцам, потом тихонечко открыла дверь и на цыпочках вышла в коридор. Вскоре они так же тихо вернулась и снова заперла дверь на задвижку.

– Чернобородый и дылда всё ещё здесь. Сидят на первом этаже, не пьют, не едят. Просто сидят, словно чего-то ждут. Говорю тебе, у меня плохое предчувствие. Мне страшно. Ты видел их рожи?

– Рожи, как рожи, – Ульри открыл бутылку зубами, наполнил два стакана и протянул один Джулии. – На вот, успокой нервишки. Попробуем, что пьют эти богатеи.

Снизу послышались голоса. Джулия резко обернулась. Увидев, что женщина отвлеклась, Ульри тихо поднялся, обхватил её сзади. Та вырвалась и съездила Ульри по уху кулаком.

– Отстань! Не смей меня лапать.

Джулия снова отошла к двери.

– Иди же ко мне, – Ульри приложился к бутылке и прямо из горлышка осушил её до половины. – А вино и вправду забористое, хотя сразу и не почувствуешь.

– Перед тем, как я ушла, чернобородый разговаривал со мной. Просил помнить уговор: за комнаты заплачено на неделю вперёд, а значит, мы никого не должны в них пускать. Интересовался соседями, спросил про их дом, кто в нём живёт кроме Эльзы и Бермы.

– И что с того? Говорю же, наш лорд не вернётся. Так что, это вино мы можем спокойно выпить сами. Ого, а оно и правда очень пьянит.

Лицо хотел встать, но покачнулся и сел на кровать. Лицо его покраснелось, он жадно облизывал губы. Он снова попытался ухватить Джулию, но опять получил по рукам; тут же взвыл, потом осушил бутылку до дна, хлопнул кулаком по подушке и рывкнул:

– А, может, ты бережёшь себя для тех двоих, что сидят внизу? А ну подойди!

– Не ори, идиот. С каких это пор ты стал ревновать меня к постояльцам, раньше я за тобой такого не замечала.

– Это всё потому, что они хорошо платили тебе за ласки, – Ульри хихикнул, – а ты делилась этими денежками со мной. А сегодня я богат и могу позволить себе всё, даже ревность.

Джулия стиснула зубы и нависла над мужчиной.

– Скажи!.. куда ты спрятал деньги?

Ульри скорчил гримасу и, икнув, погрозил женщине пальцем.

– Решила обчистить меня и сбежать? Не выйдет.

– Я просто хочу получить свою долю.

– А не дам я тебе, ничего не дам, пока не ублажишь моего маленького дружка, – Ульри почесал сначала промежность, потом потёр щетинистую физиономию и на этот раз всё-таки встал и шагнул к Джулии. – Пока живёшь в моём доме, будешь делать то, что я велю...

В этот момент на лестнице послышались шаги, и в дверь постучали.

– Это я, Ханна. Наши гости зовут вас, мисс Джулия, – раздался за дверью приглушённый шёпот Толстухи.

Джулия отворила дверь и так же тихо спросила:

– Они зовут только меня?

– Этот чернобородый был очень груб. Они разбудили меня, но не тронул ребятшек, велели явиться вам.

Свет ночника осветил Толстуху, она тоже была в ночной рубаше, поверх которой был накинута измятая шерстяная плед, с него свисала солома.

– Они сказали, что им нужно?

– Вы велели мне присматривать за оставшимися постояльцами, мисс, когда вы с мэтром поднялись наверх. Я так и сидела внизу, пока они не выгнали меня. Я вышла, но подслушала их разговор. Они что-то там говорили про Эльзу и её дом, а ещё про старую пьяницу, так они называли Берму.

– Вот видишь, – Джулия ткнула Ульри в бок. – Они хотят ограбить не только нас, помнишь про серебро, которое лорд дал Берме?

– Когда они велели мне уйти, здоровяк и молодой собирались куда-то уходить. Когда я спросила, куда это они собрались на ночь глядя, верзила сказал, чтобы я не совала свой нос, куда не следует.

– Да успокойтесь вы, трясётесь как кролики? Джулия спустись и выясни, что им надо, а я не пойду. Скажешь им, что я не здоров. Сейчас глубокая ночь, не обязательно хозяину вставать, если у него есть помощники. Лорд уехал... Слишком много чести таким как эти...

– Значит, считаешь, что мы не достойны того, чтобы ты лично обслужил нас, когда мы этого просим?

По лестнице поднимался долговязый Мел в стёганке с закатанными по локоть рукавами. Он держал в правой руке яблоко, левую держал за спиной, очевидно сжимая ей рукоятку заткнутого за пояс ножа. Ульри попятился и, запнувшись о табурет, грохнулся на пол.

– Я уже собирался идти... как только Толстуха сказала... сразу собрался.

Хмель из головы трактирщика тут же улетучился, лицо побледнело, а капли пота выступили на висках.

– Ладно уж, сиди где сидишь, мы не гордые, – Мел втолкнул в спальню перепуганную Ханну и, взяв, табурет, уселся у двери. – Вы слишком долго собирались, поэтому я и решил сам наведаться к вам.

Джулия отошла к окну, Ханна вжалась в стену и прикрыла рот краешком пледа. Массивный подбородок женщины дрожал, как подтаявшее желе.

– Все трое здесь – это хорошо, – сказал долговязый, откусывая от яблока кусок. – Присядьте, я должен задать вам несколько вопросов. – Ульри тут же вскочил и устроился на краю постели, Ханна уселась рядом. – Вы заставили меня придти к вам, отказались обслужить, это очень обидело меня. Вам за это стоит заплатить. Где деньги, которые дал вам хозяин? Я сказал всем сесть! – рявкнул Мел на Джулию, та не сдвинулась с места. – Ты что, оглохла? Тебе же сказали, сядь!

– Некогда мне с вами сидеть, я устала и хочу спать. Этот говнюк, – женщина кивнула на Ульри, – сам вас обслужит, вы же этого хотели? Я ухожу.

Мел бросил огрызок на пол, поднялся и преградил ей дорогу.

– Боюсь, тебе придётся остаться, крошка.

– Да пошёл ты...

Мел схватил женщину за рукав и рванул на себя.

– Сядь, сука!

Джулия вырвалась и ударила долговязого коленом между ног. Мел заревел и согнулся.

Половицы скрипнули и в комнату вошёл Эйн Гуриец. На этот раз он был без стального нагрудника, однако меч и кинжал по-прежнему висели на поясе. Увидев вошедшего, Мел с трудом поднялся. Эйн сказал:

– Я же сказал привести всех вниз, а ты, я вижу, решил всё-таки выпытать, где они спрятали деньги.

– Эйн, это же целая куча золота. Стоит нажать на этого слизняка и он расколется. Мы заберём монеты себе и дело сделано.

– Ты скажешь ему, где спрятал деньги? – спросил Гуриец, обращаясь к Ульри.

– Я... я... я отдал их одному торговцу, в счёт долга... – замямлил трактирщик.

– Довольно! У нас нет времени, нужно убираться. Мел, кончай их и уходи. Тебя наняли для этого, так делай своё дело...

– Но, Эйн... дай мне всего полчаса, и я вытрясу из него всё, – взмолился Мел.

– Хорошо. Времени у тебя, пока не явятся Джаго и Малыш. Как только они будут здесь, мы уезжаем.

Мел засиял, как начищенный тейм, выхватил из-за спины нож и двинулся к Ульри.

– Не говори им, где деньги. Как только они это узнают, сразу же прикончат нас всех, – сказала Джулия. Ульри застонал и начал всхлипывать.

Мел тут же приблизил нож к его лицу. В этот момент Джулия ринулась к двери, но прежде чем она исчезла в коридоре, Мел бросился за ней и на ходу ударил ножом в спину. Женщина схватилась за косяк и медленно сползла вниз. Когда её тело опустилось, вокруг неё образовалось тёмное пятно. Лицо Джулии исказила предсмертная гримаса.

– Не говори им где деньги, пока они у тебя, ты будешь жить... – это были её последние слова.

Долговязый стоял, высунув язык, и трясся от возбуждения. Он не замечал, что кровь с ножа капает ему на сапог.

– Я спрятал золото. Зарыл его, только не здесь. Далеко, когда ходил в Щучий Зуб, зарыл их у дороги. Я покажу... – застонал перепуганный трактирщик.

– Кончай его, у нас нет времени, сказал Гуриец.

Толстуха Ханна жалобно скулила и всё время вытирала пледом вспотевшее лицо. Послышались шаги, в дверях появились Джаго Мясник и Малыш Гук. Первый ткнул носком сапога тело Джулии.

– А у вас тут тоже весело. Это ты её уложил, братец? – спросил Джаго всё ещё трясущегося от возбуждения Мела.

– Почему так долго, или старуха с прачкой тоже прятались на чердаке? – спросил Гуриец.

– Он решил узнать, куда старуха подевала серебро, которое вручил ей хозяин, – проворчал Малыш, исподлобья косясь на Джаго.

– Ещё один. Вы сделали то, что я велел?

– Прачка и та старуха того... – крепко провёл большим пальцем по горлу, после чего переступил через тело Джулии, прошёл в комнату и уселся на сундук. – Немного терпения, и монеты у меня. А вы уже вытрясли золото у этих?

– Делайте своё дело и уходим, – приказал Гуриец.

Джаго оскалился и вытащил свой клинок из ножен.

– Ты думаешь, что я оставлю золото этому ублюдку? Ну уж нет. И не советую никому вставать на моём пути. Твой мальчишка, Гуриец, уже пытался мне помешать, когда я начал расспрашивать полупьяную старуху, но мне плевать на его запреты. Пять монет, которые вручил старухе ваш лорд уже у меня, скоро я получу и остальное.

Джаго хищно улыбался, кося одним глазом на Гурийца, а другим на Ульри и Ханну. Он то и дело утирал рот и облизывал губы.

– Мы уходим сейчас, или ты об этом пожалеешь, – Гуриец небрежно опустил ладонь на рукоять меча.

– Только дёрнись и я выну твои кишки. Да что ты мне сделаешь, ты – чистоплюй? Слышал, что у тебя репутация настоящего убийцы – не верю. Кто ты, охотник на людей, или невинная маленькая леди? Может ты такое же трепло, как ваш коротышка Рикон. Может у тебя в сумке тоже парадный костюм с голунами, или женское платье? – Джаго рассмеялся. – Если ты мужчина, зачем же вы наняли нас с Мелом, чтобы избавиться от этих хлюпиков.

– Я не убиваю детей и женщин, – сказал Гуриец, его лицо побледнело. – Делай своё дело, и мы уходим.

– Посмотрите ка на этого героя, лорд Альберт приказал ему сделать грязное дельце, но он не хочет пачкать руки, потому что не может убить безоружного... не может убить женщину... а вот я могу. Могу! Могу! – заревел Джаго, подскочил к Ханне и вонзил ей в сердце нож, та не успела даже пискнуть. – Так же я расправлюсь и с тем, кто помешает мне получить моё золото.

Сорочка Ханна окрасилась кровью. Она упала прямо на Ульри, залив его лицо кровью.

Тот с выпученными глазами сполз на пол и заорал:

– Я отдам! Отдам всё! Только не убивайте!

Ульри ползал на четвереньках, стирая одеялом кровь со своего лица.

– Посмотрите-ка, а он не такой уж и жадный. Мне кажется, что мы найдём с ним общий язык, – хохотал Джаго. – А вы оба можете проваливать, раз вы так спешите, мы с Мелом можем поделить деньги на двоих.

– Мы уедем, когда вы закончите начатое. Вы получите свою плату, когда закончите дело, – сказал Гуриец.

В этот момент Ульри ухватился за грудь и скривил лицо от боли. Его лицо покраснело, а губы посинели. Он вытянул руку вперёд, захрипел и опрокинулся на спину. Несколько раз дёрнулся и застыл.

– Эй, ты чего? – Джаго опешил. – Где деньги, скотина?

Здоровяк опустился на колени и стал трясти Ульри за плечи.

– Он мёртв, – сказал Гуриец. – От страха у него остановилось сердце. Дело сделано, теперь мы все должны отсюда убраться.

Джаго схватился за голову и бросился к Мелу, схватил его за руку, потом, опомнившись, отпустил.

– Я переверну здесь всё вверх дном, но отыщу золотишко, или меня зовут не Джаго Мясник. Мел ты со мной? – Верзила кивнул. – А вы оба можете проваливать, только заплати мне то, что остался должен.

Джаго повернулся к Гурийцу и выкинул вперёд руку с мечом. В ответ Эйн лишь коротко взмахнул рукой. Джаго тут же схватился за горло и захрипел. Метательный нож угодил здоровяку прямо в кадык. Мясник сначала выронил своё оружие, потом рухнул сам прямо к ногам своего убийцы. Мел шагнул вперёд, припал на колено.

Малыш Гук подскочил к верзиле и накинул на шею удавку. Оба упали и несколько минут извивались как змеи, лёжа на полу. Гуриец всё это время на шевелился. Когда всё было кончено, юноша встал и отряхнулся. Эйн одобрительно кивнул.

– Долговязый мне никогда не нравился, – тяжело дыша, сказал Малыш.

– А мне не нравились они оба, – сказал Эйн

– Стоило ли вообще их нанимать? С самого начала от них были одни проблемы.

– Ты смог бы прикончить этих женщин и безоружного трактирщика, у которого как оказалось ещё и больное сердце.

Малыш пожал плечами.

– По сути, в их смерти всё равно виноваты мы. Так что какая разница?

– Лорд Альберт приказал избавиться от всех, кто его видел, и я не мог не выполнить его приказ, хотя, конечно... Смерть этих бедняг на мне и на тебе, но довольно.

Гуриец вынул из сумки, висевшей на поясе у Джаго Мясника, кошель и сунул в свою. – Вернём деньги хозяину, они ему ещё пригодятся. Всё вышло не так, как я хотел, но свидетелей больше нет, а значит, мы выполнили свою работу.

– В кошельке только то, что Альберт дал пьянчужке, а что с остальными деньгами? Мясник был прав, жаль оставлять такую сумму.

– Ты же знаешь, что я служу Альберту не ради золота. К тому же нам нужно спешить – лорд Альберт слишком поглощён своими заботами, а Рикон хороший воспитатель, но плохой сторож. У мальчика бегали глазки, когда он уезжал. Я ему не доверяю.

Спустя некоторое время, когда двое всадников мчались по Голхардскому тракту, вслед за недавно проехавшей по нему повозкой, над крышами «Мятного кабана» и домика прачки Эльзы поднимались языки пламени.

Двое пухлых малышей стояли у дороги, плакали и тёрли ручонками покрасневшиеся от дыма глаза.

Часть вторая

Путешествие на остров Фроб

Глава первая, в которой Пит Неряха получит первый урок, а также очень своевременно поймёт, что лучше вовремя поделиться едой, чем самому ею стать

В пути, вспоминая оставшихся в «Мятном Кабане» долговязого Мела и Джаго Мясника и нисколько не подозревая об их скорбной участи, Рикон постоянно бубнил: «И где только Эйн отыскал этих двоих? Один сквалыга и изувер, а другой гнусавый и глуп как пробка. Как можно не учуять подобную вонь? А этот ужасный скрип? Лучше бы поручил это дело Малышу, уж он-то паренёк смыслённый...» Пит вскоре привык к ворчанию коротышки и перестал обращать на него внимание. Небо подёрнулось тучами, которые заволокли потемневшее небо. Лишь луна освещала Голхардский тракт, по которому ехали путники. Повозку подбрасывало, Пит укутался в одеяло, которое дал ему Рикон, и клевал носом. Коротышка одной рукой держал вожжи, другой зажимал нос шёлковым платком. Пит удивлялся, как же им удаётся не сбиться с пути в такой темноте. За каждым кустиком, каждым холмом Питу виделись страшные тени. Рядом стояла корзина с фруктами и вином, от мешков пахло свежеевыпеченным хлебом и сыром. Очень хотелось есть, но попросить мальчик не решился.

Лорд Альберт немного отстал. Он всё время кутался в плащ, ехал, опустив голову, шевелил губами, разговаривая сам с собой. Питу очень бы хотелось узнать, о чём думает его новый хозяин, что за мрачные мысли всё время кружатся в его голове.

Они въехали в лес, стало ещё темнее. Питу всё время мерещилось, что сзади кто-то едет. Он вылез из-под одеяла и стал всматриваться в ночь. Услышав за спиной шевеление, Рикон обернулся и сказал строго:

- Если надумал сбежать, то имей в виду, Гуриец скоро нас нагонит. Вот-вот будут здесь.
- Он приедет один?

– Очень надеюсь на то, что этих двоих головорезов мы больше не увидим. Я про Мясника и Мела. Для чего было их брать с собой, лорд Альберт раньше не так сильно заботился о нашей охране. Хотя кому нужна такая охрана? Мне кажется, что эти двое не столько думают о том, чтобы сберечь нас от разбойников, сколько о том как выпотрошить наши карманы. Настоящие головорезы, каких поискать, хоть и представляются отставными солдатами. Представляешь, Джаго мне заявил, что служил под началом Джея Фармена, а сам, похоже, даже не знает, какого цвета у лангеров плащи, я не говорю про то, что он даже не знает их девиз. Зачем только Эйн их взял с собой?

– А ты знаешь, какой девиз у лангеров?

– Конечно, знаю, – нахохлился возница. – Девиз лангеров – «За короля», это знает всякий, кто хоть раз бывал в столице, или сражался под знамёнами Домоседа, Эгара Светловолового и Редрика. Хотя теперь те времена, когда короля охраняли лангеры, прошли. Теперь всем заправляют братья Ордена. Они стерегут короля, они же борются с изменниками.

Пит затряс головой. Орден, девиз лангеров, борьба с изменниками – всё это было так ново и интересно, что Пит даже стал немного забывать про свои недавние страхи.

– А откуда ты знаешь всё это... девиз лангеров, то какие у них плащи про братство?

– Я всю свою жизнь провёл в столице, мой маленький друг. Я служил камергером при дворе самого короля Карела, которого все называли Домоседом, потом служил у Эгара Светловолового, немного послужил и у Редрика, но лишь до тех пор, пока не возник этот проклятый Орден. Орден следит за каждым в королевстве и подозревает тоже каждого. После покушения на Редрика, меня и чуть ли не половину двора обвинили в причастности к заговору, мне пришлось бежать, чтобы спасти свою шкуру. Многих тогда уволокли в подземелья и там пытали. Публичных казней не было, но тех, кто попал под подозрение и был схвачен, с тех пор больше не видели. Из заключения не вышел никто. Орден возник как-то сразу, будто бы неоткуда, и приступил к охоте на людей. Все эти годы я перебивался случайными заработками, обучая этикету дочек и сынков обедневших лордов и даже простых рыцарей. Это было большой удачей, когда лорд Альберт отыскал меня и предложил служить ему за хорошую плату. Лорд Альберт тоже когда-то служил при дворе, был казначеем короны, но об этом... – Рикон прижал палец к губам, – Об этом мы поговорим чуть позже.

Глаза у Пита расширились, ему столько всего хотелось узнать. Поэтому, подавив зевоту, он спросил о том, что волновало его больше всего:

– Зачем я понадобился бывшему казначею? Куда он меня везёт и что за женщина, перед которой я должен предстать?

Рикон оглянулся и покачал головой.

– Любознательность – это хорошо, а вот любопытство не всегда. Слышал, что чрезмерное любопытство иногда укорачивает жизнь?

– Нет, не слышал, но я слышал другое, если лезть в реку, не зная её глубины, то можно не только намочить сапоги, но и утонуть. Я хочу знать, зачем я здесь и что меня ждёт впереди.

Рикон рассмеялся и подхлестнул лошадей.

– А ты ловкий пройдоха и не лезешь за словом в карман. Что ж, на твой вопрос я могу ответить лишь то, что знаю, а это не много: зачем ты лорду, знает лишь он сам; что касается женщины, о которой ты говоришь, так про неё я впервые услышал от тебя; а вот куда мы едем, это я тебе скажу – эта дорога на Голхард и едем мы в порт. Думаю, что там мы сядем на корабль и поплывём, а вот опять же куда...

Пит тут же оживился. Значит лорд не врал, что они увидят море.

– Ты сказал, что Джаго и Мел головорезы, а Малыш? Он что, тоже разбойник?

– Боишься его? Вижу, что боишься.

– Глаза у него как у кобры, – поёжился Пит.

– Зато видят далеко и нюх как у охотничьего пса. Малыш и Эйн следопыты. На Сафских островах Эйн ловил беглых рабов, своё умение преследовать беглеца он передал Малышу. Он же научил его и сражаться. Не вздумай с ними шутить. Эйн родом из Гурии, – это порт на юго-западе. Не слышал? Он отделён полоской моря от островов Малой Сафы.

– Он наёмник?

Рикон покачал головой.

– Не совсем. Наш лорд однажды спас Эйна, поэтому он с хозяином не ради денег.

– Спас от смерти?

– От рабства, их с Малышом собирались отправить на галеры.

– Значит Гуриец преступник? Ну... раз его продали в рабство.

Рикон оглянулся. Лорда Альберта не было видно, был слышен лишь стук копыт его лошади.

– Меня бы тоже казнили, если бы я тогда не сбежал от правосудия, хотя я ни в чём не виноват. Братья Ордена слишком ретиво взялись за дело, и многие невинные стали его жертвами. И вообще... Ты задаёшь слишком много вопросов. Преступник Эйн – или нет, мне нет до этого дела. Он предан хозяину, и это главное. Если тебе так это интересно, попробуй как-нибудь расспросить его сам.

– Ну уж, нет.

– И правильно сделаешь.

Повозку качнуло, Пит, чтобы не упасть, ухватил Рикона за рукав. Тот вырвал руку, отстранился и зажал нос рукой.

– От тебя воняет ещё хуже, чем от этой проклятой подводой. Отодвинься.

«И этот туда же! – Пит надул губы и отвернулся. – Ничем он не лучше Ульри и Джулии, такой же вредный».

Снова вспомнился «Мятный кабан» и жизнерадостная Нолли и пироги Толстухи Ханны. Спустя какое-то время Пит задремал.

Разбудила мальчика утренняя прохлада. Он протёр глаза и огляделся.

Редколесье окончилось и дорога шла через густые дебри. Справа и слева Пит сквозь туман видел целую стену раскидистых деревьев. Их кроны шуршали от ветра, птички трели щекотали слух. Кохни ехал рядом, его лошадь храпела, отгоняя хвостом оводов и мух.

– Правь туда. Остановимся, – лорд указал Рикону на съезд с тракта, ведущий к зарослям.

Они въехали в кусты и, проехав сотню шагов, остановились на небольшой поляне у ручья. Пит соскочил с повозки, подбежал к ручью, присев, зачерпнул пригоршней воды и стал пить.

– Лучше бы умылся, грязнуля, – послышался за спиной голос Рикона. – В лес без меня ни шагу.

«Ну вот, опять, – рассердился Пит, – даже лорд на меня не кричит, а этот... Надо будет как-то его проучить».

– Ты же умеешь обращаться с лошадьми? – сказал Рикон, – Распрягай повозку и стреножь их, да побыстрее.

Сам он, набрав веток, принялся разводить костёр.

Пока Пит возился с лошадьми, лорд Альберт отстегнул притороченную к его седлу походную сумку, достал одеяло и, выбрав место посуше, завалился спать.

Рикон, разведя костёр, достал из повозки какой-то ящик, открыл его и выложил на траву его содержимое: несколько дощечек, металлические трубки и ещё один ящик, поменьше. Пит заинтересовался, всё было таким маленьким и изящным, точно в детской игре.

– Что это?

– Сейчас увидишь, – ответил коротышка и собрал из дощечек и трубок стул и небольшой столик. – Я заказал это специально для тебя. Можешь присесть.

– Заказал для меня, – удивился Пит, – но когда?

– Не важно – когда, важно зачем. Говорю же, садись!

Присев на разборный стул, Пит положил руки на столик.

– Не сутулься, выпрями спину и подбери, – сказал Рикон строго.

Пит засунул руки под стол и положил на колени. Рикон тем временем с важным видом поставил на стол маленький ящик, открыл его и вытащил несколько ножей и вилок.

– У нас мало времени и мы начнём обучение прямо сейчас. Конечно, для начала тебя стоило отмыть и причесать... Ладно, не будем пока об этом. Я думаю, что раньше тебе не приходилось пользоваться вилок. Вот так она выглядит, – Рикон вложил в руку Пита одну из вилок.

Это был не просто кусок металла, а целое произведение искусства: двузубая, из нержавеющей стали, с костяным наконечником и узорным теснением у самого основания.

– Я знаю, что такими едят мясо. Мы будем есть мясо? – Пит оживился.

Рикон снова выпрямился и сделал важное лицо.

– Я бывший камергер, в своё время я лишь следил за королевской трапезой, но никак не готовил еду сам, потому что я не повар. Тем более я не умею готовить пищу на костре. Поэтому завтракать мы будем чуть позже, когда нас нагонят Эйн и Малыш. Сейчас же мы начнём твоё обучение. Времени у нас мало, так что не отвлекайся. Возьми в правую руку нож и держи его не всей пятернёй, а лишь двумя пальцами.

Пит скривил рожу, коротышка, похоже, спятил.

– Если мы не будем есть, что же мне тогда резать?

– Реж воображаемое мясо. Главное не спеши, делай все грациозно.

Пит ткнул вилок в поверхность стола и провёл по столешнице ножом.

– С ума сошёл? Ты же испортишь поверхность! Это же дальийский мрамор! Посмотри, какая осталась царапина! – Рикон и вырвал из рук Пита нож. – Я же сказал, что нужно резать воображаемое мясо, а не царапать железом по столу. О-о-о!.. Давай покажу как нужно.

Когда коротышка уселся и принялся водить вилок и ножом по воздуху, при этом вытягивал шею как гусь и задира подбородок, Пит рассмеялся.

– Ты невыносим, над кем ты смеёшься? Надо мной?.. Бессовестный мальчишка, грязнуля и невежа. Я учу тебя этикету, я обучал лучших, и даже дети лордов желали получить у меня уроки придворного этикета. И вдруг мне приходится заниматься со смешливым зазнайкой, который привык есть рагу руками, а мясо срывать зубами от вертела. Ты же дикарь...

Крики бывшего камергера разбудили спящего. Лорд Альберт приподнял голову и открыл глаза. Узнав, что случилось, лорд Альберт покачал головой и отвернулся, накрывшись при этом с головой. Видя, что поддержки ему не видать, Рикон, надувшись, бросился к повозке, укутался в одеяло и завалился спать. Он долго ворчал, ворочался, а когда затих, Пит подошёл и потрогал коротышку за плечо. Тот не шелохнулся.

Пит развязал лежавший в повозке мешок, порылся в нём, отыскал огромную головку сыра и несколько слегка зачерствевших ковригу. Отломив от найденных яств по небольшому куску, Пит сунул еду за пазуху, вытер руки о траву и побежал в сторону леса.

Лес встретил прохладой и мягким шелестом листвы.

Сначала Пит двигался осторожно, пригнувшись, потом, зашагал быстрее и перешёл на бег. Стена из деревьев всё не кончалась и, запыхавшись, мальчик припал на поваленное дерево. Туман понемногу рассеялся, и выглянувшее солнце добавило настроения.

Сейчас главное оторваться, чтобы его не догнали. Потом он отыщет тропку и выйдет на какую-нибудь дорогу. Ну а потом... потом он придумает как вернуться домой. Всё что наобещал этот лорд, который к тому же ещё и нанимает на службу преступников, могло оказаться обычным враньём. Нет, он привык к жизни на постоялом дворе, и хотя Ульри частенько поколачивал его, но ведь он и кормил и давал вещи и одежду. Он вернётся и Ульри уже не станет его выгонять. Лорд Альберт торопится и не станет возвращаться за своими деньгами.

Потом он шёл, но лес и не думал кончаться. Стало страшно, а вдруг он не сможет выйти отсюда никогда. Он влез в какие-то заросли, потом ему попался ручей, он остановился и съел все украденные из мешка припасы. Затем снова пошёл вперёд. Задумавшись, он забрёл в какие-то заросли. Зелёные столбики с мохнатыми листьями жгучей крапивы окружили беглеца. Выбравшись, он уселся на траву. Руки и лицо покраснели, он начал чесаться, но тут назойливые комары, облепили вспотевшее тело. Пит понял, что надо выбираться на открытое место. Он снова побежал вперёд. Пробежав с полмили, он споткнулся о корягу и грохнулся на землю. Боль пронзила щиколотку. Пит сел, закатал штанину и снял башмак. Место сгиба немного опухло, но кость была цела и это успокаивало. Слёзы потекли по щекам, Пит изо всех сил сжал зубы.

В траве что-то зашуршало. *Ящерица?.. а может змея?* Откуда здесь змеи? Змеи здесь не водятся. Вот на Сафских островах – так все говорят – змей полно...

И пауков!..

И скорпионов!..

Длинный серый хвост выгнулся и тут же исчез в траве. Пит постоял, и когда понял, что опасность миновала, присел, сунул руки подмышки и просидел так несколько минут. Когда боль в ноге утихла, он привстал, сделал шаг...

Боль была сильной, но терпимой. Пит сделал ещё шаг, потом ещё.

Когда в траве снова что-то зашуршало, мальчик дёрнулся и, потеряв равновесие, упал, разодрав ладони в кровь. Отчаяние охватило мальчика. Он закричал и, что было сил, и стал стучать о землю кулаками. Его крик вспугнул сидевших на ветках птиц и эхом прокатился на сотни шагов вокруг. Он катался по земле, кричал, выл, захлёбываясь слезами и дёргая волосы на голове. Потом резко замер, уселся и, выплюнув землю и траву изо рта, плотно сжал губы.

Отыскав толстый сук, он опёрся на него как на костыль и встал. Боль в ноге обжигала, но он стиснул зубы. Ничего, он будет терпеть. Он двинулся вперёд. Должен же когда-нибудь кончиться этот лес.

Но лес не кончался!

Правда вскоре заросли поредели, и плотная вереница кустов сменилась редкой стеной ровных как сваи сосен, сквозь верхушки которых понемногу стал пробиваться утренний свет. Пит пошёл увереннее. Он перелезал через поваленные стволы; без страха быть услышанным наступал на усыпавший землю сухой валежник; длинным прутком, который он оторвал от дерева прямо на ходу, сшибал макушки с цветов; срубал, словно мечом, и преграждавшие путь макушки подсохших папоротников. Вскоре боль в ноге совсем утихла, или он просто к ней привык? Пит отшвырнул палку, служившую ему костылём. Шагнул... боль чувствовалась, но была какой-то вялой. Довольный собой, Пит двинулся вперёд.

В таком лесу очень просто затеряться, а Эйн и Гук – они ведь не собаки. Вот Нолли, пожалуй, смогла бы его отыскать. Пит с грустью вспоминал соседскую псину – единственное живое существо, показавшее ему свою привязанность. Ничего, он обязательно ещё увидит её. Они снова будут играть и носиться, валяться в сене, он будет таскать её за уши.

А ещё он попросит прощения у Ханны, за то что был с ней груб. А у Джулии... Нет, у Джулии он не станет просить прощения, и у мэтра тоже. Просто придёт и скажет, что вернулся. А что потом...

Пит и сам не знал, что будет потом.

Когда ноги начали заплетаться, Пит отыскал удобное место под сосной и улёгся на землю и почувствовал, что снова проголодался. Он огляделся и не увидел ничего похожего на еду. Вокруг валялись лишь шишки.

Пит понял, что поступил опрометчиво. У него нет ни оружия, ни снасти, ему нечем даже развести костёр. Кто же знал, что этот лес будет таким большим? А вдруг он не найдёт дорогу

до наступления ночи? Этот мерзкий коротышка Рикон так вчера разозлил его, что он думал лишь о том, как бы поскорее сбежать. Чтобы ловить рыбу, нужны удочки или сети, чтобы охотиться – лук и стрелы, а у него нет даже ножа. Пит прислушался. Где-то вдалеке раздавался негромкий щебет. Можно попытаться убить птицу камнем, или палкой? Пит хорошо умел кидать камни и попадать в цель. Птицу можно будет ощипать – это не кролик, шкуру снимать не нужно, вот только сможет ли он есть сырое мясо... Пожалуй, лучше поискать орехов или грибов.

Целый час поисков почти ничего не дал. Он нашёл несколько коричневых грибов с тонкими ножками, правда обнаружил небольшую полянку, на которой рос щавель. Грибы есть, он побоялся, поэтому набил рот щавелем и принялся жевать кислую траву. Вскоре появилась оскомина, скулы свело. Пит выплюнул остатки зелёного месива и уселся на поваленный ствол. Да, он, конечно же, поступил глупо, когда побежал, не подумав о том, чем будет питаться в лесу. Недолго думая, Пит подошёл к большой сосне.

Чтобы добраться до первых редких веток, Питу пришлось ползти по толстому стволу, как по канату. В считанные мгновения его руки и одежда пропитались смолой. Пит выругался и прыгнул на землю, решил отыскать другое дерево. Подходящий ствол он отыскал почти сразу. Это был клён, не слишком толстый, но достаточно прочный. Раздирая одежду и царапая руки и ноги, Пит взобрался довольно высоко, но окружавшие его сосны по-прежнему закрывали обзор. Лезть выше было страшно. «Если я грохнусь, то сверну себе шею. Здесь меня никто не найдёт, и я умру, – от подобных мыслей Питу стало совсем тоскливо, он уже собирався слезать как вдруг, сквозь деревья, разглядел небольшой просвет. – Ну, наконец-то».

Пит спустился и побежал. К великому сожалению мальчик понял, что вышел не на равнину, а просто обнаружил лесное озеро.

От окружённого густыми зарослями водоёма веяло прохладой, в покрытой лёгкой рябью глади словно купались воздушные отражения облаков и мягкая голубизна утреннего летнего неба. У берега шелестели камыши, листья кувшинок покрывали части озера там и тут, торчащие над ними белые цветы плавно колыхались на поверхности. Вдалеке, Пит разглядел утиный выводок, но, тут же, отбросил мысль об охоте. Он скинул одежду и, стиснув зубы, вошёл в воду. Прохладная вода будоражила и тут же успокаивала. От холода Пит забыл про все свои страхи, нырнул и погрузился в другой мир, красивый и загадочный. Он на время позабыл про всё плохое.

Пит подплыл к коряге, засунул под неё руку и почувствовал шевеление, сжал пальцы в кулак и стал ворошить илистое дно. Огромный рак вылез из-под камня и пополз, поднимая дымное облако из ила. Он пятился задом, грозно шевелил усами, то и дело, поднимая над головой свои корявые клешни. Пит подплыл ближе и резко выбросил руку, схватил рака и, оттолкнувшись от дна, вынырнул на поверхность. Воздуха едва хватило. Следующий раз он будет действовать осторожнее.

Положив добычу на большой камень, Пит оторвал ему хвост. Очистил и засунул в рот. За неимением лучшего эта пища показалась довольно сносной. Потом Пит высосал мясо из клешней. Через несколько минут, Пит снова зашёл в воду. Заводь в которой он очутился просто кишела раками. Завязав штанины узлами, Пит, словно в мешок, складывал в них свою добычу. На ловлю ушло несколько часов. Когда весь измученный, но довольный, Пит в последний раз вынырнул с добычей, у него почти не осталось сил.

Ещё некоторое время маленький раколов потратил на то, чтобы вырыть яму в песке. Сделав это, он вывалил в неё весь свой улов и не удержался, чтобы ещё раз не оценить свою добычу. Раки были разные: огромные, величиной с предплечье взрослого мужчины, и маленькие, размером с ладонь; зелёные, цвета тины, и бурые, словно подгнившая древесина. Они забавно шевелили клешнями, стремясь уцепиться за палец или удрать. Пит отловил их с полсотни, но насытился, съев лишь пять или шесть. Завалив яму ветками и камнями, Пит решил

немного отдохнуть. Он только сейчас вспомнил, что не спал всю ночь. Прополоскав штаны, мальчик повесил их на куст, сушиться и стал думать о том, как соорудить себе ложе. Собрав небольшую кучку из веток, Пит свалил их под деревом, улёгся, но почувствовал холод от земли. Уже вечерело. Пит снова стал ломать ветки, и когда куча стала высотой ему до пояса, улёгся на неё. Теперь ложе стало гораздо мягче и теплее, Пит закрыл глаза и тут же уснул.

Разбудили Пита шуршание и какая-то возня. Открыв глаза, он понял, что наступила ночь. Небо заволокло тучами, отчего луна и звёзды выглядели как бледные и тусклые пятна. Странные звуки доносились со стороны озера.

Шуршание и слабый скрежет чередовались с глухим урчанием и ещё одним незнакомым Питу звуком, который сильно смахивал на кошачье мяуканье.

Пит присел, отполз в тень большого дерева и стал яростно тереть глаза. Когда глаза привыкли к темноте, мальчик разглядел у берега нескольких мохнатых зверьков. Они сгрудились в одну кучку, сустились и скребли землю. «Они же добрались до моих раков, – мелькнула мысль. – Сколько же их там? Три? Четыре? Пять? Отсюда не разобрать». Пит огляделся, подобрал с земли увесистый камень и швырнул в зверьков. Он не попал. Камень упал в двух шагах от наглых воришек, но зверьки переполошились. Двое из них привстали на задние лапки. Сейчас уже Пит смог их разглядеть – мохнатые, с пушистыми полосатыми хвостами, остромордые, каждый величиной с большого кота.

Еноты.

Пит отыскал длинную палку и быстрым шагом двинулся в сторону ночных воришек. Своё оружие он поднял над плечом, готовый в любой момент бросить палку, или ударить. То, что произошло потом, насмерть напугало не только Пита, но и стайку маленьких полосатых зверьков.

Шагах в двадцати, в кустах послышался хруст и громкое урчание, ветви раздвинулись, и на берег вывалился огромный медведь. Он не бежал, шёл, оставляя за собой широкую дорожку примятой травы. Шерсть на звере играла, даже при свете звёзд было видно, как с повисших губ капала слюна.

Еноты бросились врассыпную. Два или три проскочили в такой близости от мальчика, так что при желании он мог бы достать их палкой. Но Пит боялся пошевелиться. Зверь подошёл к разграбленному енотами тайнику, понюхал, полизал землю их языком, что-то прихватил зубами, стал жевать. Пит с замиранием сердца слушал, как хрустят на зубах хищника хрупкие панцири навсегда потерянных для него раков.

Питу приходилось наблюдать, как охотники на повозках или волокушах привозили на постоянный двор медвежьей туши, видел он и отрубленные головы этих зверей, видел и их выделанные шкуры, но живого медведя, да ещё такого огромного мальчик увидел впервые.

Длинная густая шерсть, местами бурая, торчащая клочьями, местами почти чёрная с отливом, длинные жёлтые клыки, маленькие глаза и короткие уши – всё это казалось таким ужасным, что Пит продолжал стоять с поднятой рукой несколько минут. Потом, увидев, что медведь не обращает на него внимания, мальчик попятился.

Попытаться залезть на дерево или убежать?

Пит слышал, что лишь маленькие медвежата умеют карабкаться по деревьям. Но он слышал и другое – взрослый медведь очень быстр. Вспомнив свой не совсем удачный опыт лазанья по деревьям, Пит засомневался: стал сомневаться: эта громадина порвёт меня на куски, разгрызёт мой череп, как грызёт сейчас панцири моих раков. О том, чтобы вернуть потерянный улов, Пит даже не помышлял. Тут медведь прекратил свою трапезу и поднял голову. Пит увидел, как зверь поднял уши, вытянул нос, тряхнул головой.

Зверь зарычал, тихо, но злобно, тряхнул головой. Пит бросился к первому попавшемуся дереву, на которое хотел взобраться, и услышал движение за спиной. Медведь тоже бежал.

Пит вцепился руками в ствол, он карабкался как мог и лишь поднявшись довольно высоко, обернулся.

Медведь бежал, но совсем бежал в другую сторону, будто сам убегал от Пита.

Когда животное исчезло в кустах, Пит ещё долго просидел на дереве. Когда руки и ноги затекли, он спустился вниз.

– Думаешь, уже не вернётся? – раздалось за спиной.

Из тени большого дерева появился человек, затем появился ещё один, оба держали в руках обнажённые мечи. Несмотря на темноту, Пит узнал обоих.

– Я же говорил, что присматриваю за тобой, – сказал Эйн Гуриец, продолжая коситься на кустарник, в котором скрылся медведь. – Но ты решил опять со мной поиграть. Напрасно. Наверно за это нужно было скормить тебя этому косолапому. Верно Малыш?

– Хозяин был очень расстроен исчезновением паренька, – ответил Малыш Гук. – А так бы было очень интересно посмотреть, как эта громадина будет есть его на десерт.

Гуриец убрал в ножны меч и приблизился к Питу, тот всё ещё боялся пошевелиться. Малыш Гук подошёл к берегу и осмотрел разворошённый тайник, в котором когда-то лежали раки. Пощупал ладонью вмятины на прибрежном песке.

– Ушёл. Теперь точно не вернётся.

– Сейчас лето, еды вдоволь, нашему парню повезло, – усмехнулся Гуриец.

– Спасибо, что спасли мне жизнь, – произнёс Пит. – Прогнали медведя.

– О, он нас благодарит. Ну надо же, – Гуриец ухватил Пита за руку и стиснул её так, что на глазах мальчика выступили слёзы. – А ты мнишь, что я тебе сказал при нашей последней встрече?

– Что ни один чердак не станет для меня пристанищем, – сказал Пит.

Гуриец рассмеялся. Пит рванулся, но мужчина держал крепко. Тогда Пит вцепился зубами в державшую его руку. Гуриец резко втянул воздух носом, но руку не выдернул. Он терпел боль, даже не поморщился.

– А этот сопляк начинает мне нравится, – Эйн повернулся к приятелю. – Гук, что бы ты сделал с ним? Как бы наказал?

Малыш Гук пожал плечами, скривился, глядя, как из-под зубов Пита стекает кровь:

– Делай, что хочешь, но если ты не стряхнёшь с себя эту пиявку, ты можешь изойти кровью.

Всё это время Пит висел на руке Гурийца, продолжая сжимать её зубами.

– И в самом деле, довольно.

Эйн пнул мальчика в живот, тот разжал свою хватку и упал на землю.

– Всыпь ему, пусть немного остынет, – сказал Малыш Гук и, подойдя к росшей у воды иве, срезал несколько прутьев и протянул приятелю. – Вот, возьми. Стяни с него штаны и высеки как следует.

– Ты бы сделал именно так?

– Почему нет? Щенок заслужил порку.

– Ну, нет, – произнес Эйн, слизывая с руки кровь и сплёвывая её на песок. – Посмотри, он сражался как зверь, так что розги не для него.

Пит поднялся, его глаза светились ненавистью.

– Мальчик проявил себя, доказал, что он мужчина. Поэтому я не стану обнажать его зад и сечь розгами.

Эйн подошёл, Пит сжался, в это же мгновение кулак Гурийца врезался ему в лицо.

Глава вторая, которая начинается с небольшой перебранки и заканчивается тем, что Гуриец его спутники разочаровывают портовых шлюх

– Ты с ума сошёл. Я просил тебя, отыскать мальчишку, а не уродовать его.

– Это просто синяки. Он мне чуть палец не отгрыз, – Эйн показал забинтованную руку.

– Мне плевать на твой палец!.. на все твои пальцы! Я спрашиваю, что ты сделал с его лицом? Во что его превратил?

Гуриец пожал плечами, проворчав:

– Нос не сломан, кости целы, а эти синие пятна пройдут, даже следа не останется.

– Ты называешь это пятнами? Он же весь оплыл. Сколько будут сходиться твои пятна? День? Неделю? Месяц? Ты же знаешь, что мы и так потеряли уйму времени из-за того, что вы слишком долго бегали по лесам. – За всё время из знакомства Пит впервые видел лорда Альберта таким.

– Если бы Рикон лучше следил за парнем, нам с Малышом не пришлось бы его искать, – сказал Гуриец.

Малыш сидел у костра, покусывая губы.

– Не тебе указывать, что мне делать, – вмешался возмущённый коротышка. – Моё дело обучать мальчика, а не следить за ним... Скоро ты и милорда обвинишь в том, что мы его не доглядели.

Он сделал возмущённое лицо, достал из кармана платок, потряхнул им и небрежно вытер каплю пота с виска. Лицо Рикона выглядело помятым, заспанным... – лицо, но не одежды. Кафтан по-прежнему изящно облегал нескладную фигуру коротышки, башмаки блестели, от банта на шее пахло духами.

– Вот именно, – выкрикнул Альберт. – Мы сейчас обсуждаем не его побег, а его синяки. Мальчик нужен мне с чистым лицом, а ты превратил его в отбивную.

– Простите, милорд, – Гуриец вдруг сбавил тон. – Вы поручили мне мальчика, и я слежу за ним. Его побег – это полностью моя вина и обещаю больше не распускать руки.

– То-то же, – лорд Альберт тоже убавил пыл. – Так что же нам теперь делать? На корабль мы ещё успеваем, но его лицо...

– Я могу приготовить мазь, которая поможет свести синяки, – вступил в спор Малыш.

Все посмотрели на юношу, тот лишь пожал плечами.

– Делай же скорей свою мазь и будем отправляться, – заторопил лорд Альберт.

Малыш потёр подбородок, потянулся за своей сумкой, порылся в ней и заявил:

– После того как мы попадём в город, мне нужно будет купить необходимые снадобья. На изготовление мази уйдёт несколько часов. Ну, а после того как я начну лечение, синяки сойдут примерно за неделю.

– Отлично! – воскликнул лорд Альберт. – Я надеюсь на тебя.

Пит сидел у костра и краем уха слушал разговор, при этом жадно хлебал из чашки тушёную с луком и кореньями фасоль. Когда Малыш наложил ему повязку, нога и вправду перестала болеть, что же касается синяков... Живя на постоялом дворе, Пит почти всегда и ними ходил, так что это его не особо печалило. Он представлял себе море, корабль и женщину, к которой вёз его лорд Альберт. *Кто же она? Может быть жена лорда, или его дочь?* Пит представлял красивую женщину в чистом платье и с распущенными волосами. У неё были добрые глаза, а от её рук пахло молоком.

Рикон расправил плечи и поднял палец вверх.

– Есть ещё кое что, милорд.

– Что такое? – встревожился Кохни.

– Даже если Малыш и вылечит этого мальчика, я не гарантирую, что смогу выполнить ваш приказ. Думаю, в городе мы подберём ему подходящий наряд, приведём в порядок причёску, но манеры...

– Что манеры?

– Вы просили привить ему основы поведения в обществе, а для этого, я уже в этом убедился, понадобятся целые месяцы, а может быть и годы. Вы только посмотрите на него, посмотрите, как он ест. Он чавкает, давится и вытирает рот рукавом. Ещё он шмыгает при этом носом и сутулится... О-о-о... и зачем я только согласился на всё это?

Пит, услышав всё это, едва не поперхнулся, робко отодвинул миску. Гуриец и Малыш переглянулись, сдерживая усмешки, Лорд Альберт в отчаянии махнул рукой.

– Делай своё дело, Рикон, делай, как можешь, а ты, – лорд Альберт повернулся к Эйну, – не смейся и больше не прикасаться к лицу мальчишки.

Этот такой разговор произошёл между спутниками Пита после того как они вернулись к повозке и лорд Альберт увидел лицо беглеца, покрытое синяками.

До этого они долго шли лесу, пробираясь через гущу леса. Эйн то и дело упрекал Пита за то, что тот шёл слишком медленно, но повреждённая нога не давала возможности двигаться быстрее. Пит терпел боль, как мог, не желая показывать мучителям свои слёзы, тогда-то Малыш и отыскал какое-то растение, оборвал с него листья и, разжевав их, привязал к месту ушиба обрывком ткани. «Этому меня научили хаабские невольники, – сказал он. – Это снимет отёк и приглушит боль». После этого Малыш наложил такой же компресс Гурийцу на то самое место, где побывали зубы разъярённого Пита.

Дорога к побережью заняла пару дней. Они останавливались лишь однажды, чтобы перекусить и немного поспать, лорд Альберт хотел наверстать упущенное время. Не смотря на то, что остановка была очень короткой, Рикон не позволил Питу есть со всеми на расстеленном на земле плаще, а снова достал свои стол, стул и столовые приборы. Только на этот раз они ели холодную варёную курятину, так что Питу пришлось резать не воображаемое мясо. Чтобы хоть как-то насытится, несчастный мальчик не стал на этот раз противиться и приложил все усилия, чтобы его поведение за столом хоть как-то удовлетворило маленького тирана. Получив лишь пару оплеух и удар по спине, он сумел наконец-то досыта набить живот.

В течение всего пути Пит пытался заговорить с Риконом, что бы расспросить его про таинственный Орден, которого тот так боялся, но не смог. Гук и Эйн всё время ехали рядом, а Рикон демонстративно не отворачивался и надувал щёки, не обращая на мальчика никакого внимания. Вскоре они вышли к побережью и увидели окраины большого поселения.

Местечко называлось Меловая Бухта. Это был не просто город, а настоящий город-порт, начинавшийся на краю прибрежной равнины и выходящий к берегу моря. Словно втиснувшись в широкий проём – образованный высокими прибрежными скалами, серыми и мрачными, с одной стороны, а с другой пологими холмами с зелёными вершинами – поселение условно делилось на три большие части: рабочие окраины, торговый центр и конечно же сам порт. Окраины Меловой Бухты представляли собой огромное количество неказистых хижин и лачуг, в которых проживали работяги-ремесленники, а также разного рода палаток и шатров, жильцами которых являлись люди самых сомнительных профессий: попрошайки и нищие, комедианты и трубадуры, мелкие мошенники и вору-карманники, а также многочисленные беглые рабы с расположенных по соседству Сафских островов. Такого скопления народу Пит ещё не видел ни разу.

Когда путники миновали окраины и въехали в центр, Пит понял, что если не брать во внимание окружённые высокими заборами особняки местных воротил, купцов и крупных торговцев, то на площадях и рынках Меловой Бухты обитает народу ещё больше, чем на окраинах города. Здешние обитатели, сновавшие туда-сюда, буквально наступали друг другу на пятки. Особенно это касалось рынков и базаров. Эти места общественной торговли, заставленные шатрами и палатками, торговыми павильонами и обычными рядами из неприкрытых навесами длинных столов, были просто завалены самым разнообразным товаром.

Здесь можно было купить всё, от самого маленького гвоздя до огромной статуи какого-нибудь мифологического героя, от канарейки до целого стада самых жирных и откормленных бычков. Когда они остановились, лорд Альберт спросил Малыша:

– Сколько тебе нужно времени, чтобы купить свои снадобья и приготовить мазь?

– В том конце я видел палатку далийских купцов. Думаю, у них есть всё, что нужно. Как только я всё куплю, можем следовать дальше. Мазь можно приготовить и на корабле.

Лорд Альберт спрыгнул с лошади и вскоре юноша скрылся в толпе. Как только они остались вдвоём, Пит услышал голос Рикона:

– Не люблю такие места, только и гляди, чтобы тебе не вывернули карманы. Здесь даже страшнее чем в лесу. Столько народу.

Гуриец усмехнулся.

– Да, город – опасная штука. Ведь тут скопились самые злобные существа на свете.

Пит не выдержал и вступил в беседу:

– Кто?

– Люди, посмотри как их здесь много, а ведь многие из них будут пострашнее того медведя, который съел твоих раков.

В этот момент Пит заметил стайку местных мальчишек. Один из них, примерно такого же возраста, что и Пит, вдруг отделился от общей своры. Он приблизился к мужчине в округлой шерстяной шапочке и в бархатной жилетке с узором, ловко срезал с пояса кошелек и тут же растворился в толпе. Пит даже присвистнул.

– Ты никогда не должен так поступать, – лорд Альберт тоже заметил проделку воришки и строго посмотрел на Пита.

– Поступать как? – спросил Пит.

– Когда та избавишься от своей глупой привычки всё время переспрашивать? – раздражённо ответил лорд Альберт. – А говорил, что ты никогда не должен брать ничего чужого – не должен воровать.

– Почему вас это так волнует, милорд. Я не воришка и не беру чужое, разве что иногда... еду, но это лишь тогда, когда очень голоден.

– Когда ты попадёшь в другую среду, ту, которая тебе уготована, ты будешь окружён предметами, которые, возможно, тебе захочется взять без спросу. Так вот, ты не должен будешь этого делать.

В этот момент мужчина в бархатной жилетке заметил пропажу и разразился грубой бранью, причём мешал знакомые Питу слова со словами на непонятном языке. Мужчина набросился на стоявшую в сторонке толпу мальчишек, те тут же бросились врассыпную.

– Давай отъедем, скоро сюда прибудет городская стража, – тихо сказал лорд Альберт Гурийцу. – Это торговец с Сафских островов. Он будет жаловаться из-за пропажи кошелька. Я не хочу, чтобы нас привлекли как свидетелей.

– Я думаю, что лучше не суетиться, милорд. Если боитесь, что вас узнают, лучше отойдите один, мы с мальчиком и Риконом останемся, чтобы никто не подумал, что мы убегаем, – ответил Гуриец. – Не думаю, что здесь окажется кто-то из тех, кто ведёт охоту на нас с Малышом. Вы же – другое дело. Встаньте за тем зданием и ждите, как только Малыш вернется, мы к вам подъедем.

Значит наш лорд ещё больший преступник, чем Гуриец, сделал вывод Пит. Ему стало ещё любопытнее. Лорд Альберт кивнул и зашёл за угол. В это время к обокраденному мужчине приблизились двое облачённых в кольчуги и яйцевидные шлемы мужчин, в плащах, с алебардами в руках. Человек в бархатной жилетке разразился ещё пуще бранью и стал сильнее размахивать руками.

– Кто это? – указывая на вооружённых мужчин, спросил терзаемый любопытством Пит.

– Городская стража, – ответил Гуриец.

– Это их испугался наш лорд?

– Это местные. Их нам бояться нечего, но шумиха может привлечь сюда кого-нибудь из братьев Ордена. Ручаюсь здесь полно молчунов, в таких местах, где можно вынюхать что-то интересное, они просто кишат.

– А кто они такие, эти молчуны? Рикон ничего о них не рассказывал.

– Молчунами называют одну из тайных лож Ордена. Они очень опасны и могущественны, – пояснил Рикон.

Пит насторожился. Рикон снова заговорил об Ордене.

– Орден охотится на тех, кто строит заговоры против короля? Значит наш лорд заговорщик? И что же он натворил?

Рикон строго сказал:

– Хотя наш лорд и просил тебя не воровать, однако сам он не всегда придерживался этого правила. Он кое-что украл, украл у короны, поэтому уже много лет находится в бегах. Ты всё равно ещё не раз об этом услышишь, поэтому скрывать это – глупо. После смерти прежнего короля наш лорд похитил королевскую казну и подался в бега. Иначе откуда у него столько золота.

Коротышка неодобрительно посмотрел на Гурийца, тот отвернулся, не посмев возразить. В этот момент из торговых рядов показался Малыш с корзиной в руках.

– Дело сделано, – радостно заявил он, – а где милорд?

– Садись в повозку и правь туда, – Гуриец указал на дом, за которым скрылся лорд Альберт и, подтолкнув Пита, взобрался в седло. – Милорд не желает быть замеченным, нельзя долго оставаться на одном месте.

Почти полдня Пит и его спутники пробирались через это плотное скопище народу. Протискивались через узкие ряды лотков и палаток, пахнущие особой смесью ароматов, самыми сильными из которых были запах навоза, копчёной рыбы и каких-то заморских пряностей. Пит, как известно, не особо гнушался неприятными запахами, а вот Рикон испытывал особые неудобства. Он всё время зажимал нос, не забывал при этом следить за собственными карманами, хоть и сидел при этом на козлах повозки, что отделяло его от толпы.

Когда путники добрались до пристани, Пит наконец-то увидел море.

Вся мостовая вдоль берега была вымощена дорожным камнем, деревянные причалы, опираясь на торчащие из воды мощные сваи, походили на добротные мосты, по которым с лёгкостью проезжали запряжённые парой, а то и четвёркой лошадей, гружёные доверху повозки. Помимо пришвартованных к причалам лодок, Пит увидел несколько больших кораблей. Ему тут же вспомнилось обещание лорда отправиться в море. Они остановились возле сваленных в кучу мешков и каких-то бочек, лорд Альберт, Малыш и Эйн спешили.

Пит с интересом рассматривал выстроенные в ряд домики в несколько этажей, которые отдалённо напомнили «Мятного кабана». Лишь только повозка и всадники остановились, из ближайшего домика вышли две обшарпанные девицы с ярко накрашенными лицами и подошли к повозке. Сразу же разобрав, кто здесь старший, они устремились напрямик к лорду Альберту, но Эйн преградил им путь.

– Ваши услуги нам не понадобятся, – рявкнул Гуриец так, что обе женщины отшатнулись. – Лучше подскажите, где мне найти «Полосатую медузу» – это корабль, и её капитана по прозвищу Прыщ.

Одна из женщин, с торчащими, словно пакля, волосами, указала рукой на стоявшее в сотне шагов судно.

– Вон «Медуза», там же найдёте и капитана. Меня зовут Гелла, так что если вдруг передумаете...

– Проваливай, – грубо перебил Гуриец, – и, ведя коня в поводу, двинулся к кораблю.

Вся процессия последовала за ним.

Глава третья, в которой Рикон испытывает некоторые неудобства от качки, а Пит знакомится с довольно «симпатичным» членом команды «Полосатой медузы»

«Полосатая медуза», по словам Рикона, оказалось посудиною ни чем не лучше повозки, купленной у Транжиры Ганза – такая же развалюха, только с мачтами и без колёс. Вот только пахло от неё как-то иначе... не рыбой. Штопанные, местами потёртые паруса, одна мачта с трещиной, усиленная стальным листом и в двух местах перемотанная канатами. На палубе тоже творился полный кавардак. Ящики и мешки с зерном были свалены в кучу. Возле бочек растеклись огромные лужи. Однако Пта судно привело в полнейший восторг. О бегстве он уже давно не помышлял. Никого из членов команды на борту не наблюдалось, поэтому лорд Альберт и его спутники взошли на борт без спроса. Первым, кого они увидели, оказался молодой темноволосый крепыш лет двадцати пяти в белой заляпанной жиром рубаше и закатанными по локоть рукавами. Он вылез из трюма, не заметив чужаков на борту, прошёл на корму и вывалил через борт ведро с помоями. У него было круглое лицо и мощные плечи. Парень повернулся и только сейчас заметил посторонних на корабле.

– Кто вы? – спросил он недовольно.

Увидев незнакомца, лорд Альберт отошёл в сторону и накинул на голову капюшон. Гуриец и Малыш Гук вышли вперёд.

– У меня уговор с капитаном этого корыта. Я плыву на нём на острова. А вот ты кто такой? Я знаю всех моряков с этой посудины, – Гуриец покосился на Гука. – Малыш, ты когда-нибудь встречал этого парня?

Тот отрицательно покачал головой. Он прошёлся по палубе и, прислонившись к мачте и, сложив руки на груди, встал у темноволосого за спиной.

– А он и не может меня знать, приятель. Я здесь совсем недавно, – попытался улыбнуться темноволосый.

– Я тебе не приятель, – огрызнулся Эйн, – и куда, скажи на милость, подевался сам Прыщ?

– Капитан Нел говорил, что у нас будут пассажиры. Для вас приготовлены каюты. Судно готово, трюмы загружены, так что думаю, что скоро мы отправимся в путь. Вы ведь плывёте на Фроб?

– Будет лучше, если ты позовёшь капитана.

– Нет проблем. Меня зовут Лачи, но капитан Нел его люди уже окрестили меня Кочерыжкой, – парень снова робко улыбнулся. – Не очень-то красивое прозвище, но я не обижаюсь. Дело в том, что я кок; я здесь вместо Хилса.

– Ваш капитан тоже носит не слишком звучное прозвище, – усмехнулся Гуриец. – Но с его рожей, оно подходит ему как никакое другое. А что с Хилсом?

– Он навел местный бордель, а на утро его нашли мёртвым. Шлюха, с которой он провёл ночь, перерезала бедолаге горло и сбежала. Местные власти до сих пор не могут её найти. Никто не знает, зачем она это сделала.

Гуриец кивнул.

– Я же говорил, что местных девиц к себе лучше не подпускать. Хилса прирезали, шлюха пропала... занятная история. Сделаю вид, что я в неё поверил. Так что, Кочерыжка, зови капитана и будет лучше, если ты поторопишься.

Парень с ведром сбежал по лестнице вниз и вскоре из трюма вышел невысокий, довольно жилистый малый, лет пятидесяти, с обезображенным оспой лицом. Одет он был в распахнутую на груди рубашу, поверх которой сидел мягкий кожаный жилет. Коричневые просторные штаны из овечьей шерсти были утянуты в талии широким куском атласной ткани, намотанным в несколько слоёв. Штаны капитан Нел заправлял в кожаные сапоги – короткие, с широким раструбом – весьма популярные у всех окрестных мореходов: тех, кто бороздил здешние воды,

начиная от Мелового моря и Бухты Корт и заканчивая самыми дальними островами Малой Сафы. На голове Прыщ носил красный платок, завязывал его крупным узлом на затылке. Левое ухо капитана украшала золотая серьга с вставленной в неё белой жемчужиной, величиной с ядрышко земляного ореха. Увидев этого прожжённого моряка, Пит испытал настоящий восторг. Однако капитан тут же рявкнул, обращаясь к Питу:

– Надеюсь, ты не станешь бродить по кораблю и совать свой нос куда не следует? Мои парни – ребята суровые, если он попытается что-нибудь украсть или что-то сломает... На море случается всякое...

Пит нахохлился и дерзко заявил:

– Лорд Альберт сказал, что мне дадут постоять у руля, а вот воровать я и сам не собирался.

– Постоять у руля? Тебе? – окрысился капитан.

– Если кто-нибудь из твоих бездельников хотя бы прикоснется к мальчишке, я лично вышвырну его за борт. Ты же меня знаешь, старина Нел, – улыбаясь сквозь зубы, произнёс Гуриец. – У нас был уговор, и будь добр его выполнять.

Заметив, что при этом Эйн стиснул рукоять меча, капитан тут же сменил тон. Лицо его тут же приобрело выражение, такое же, какое возникало у мэтра Ульри, всякий раз, когда тот встречал богатого постояльца. Капитан сдёрнул платок и все увидели огромную залысину на его голове.

– О, Эйн! Прости, дружище! Прости! Я и не заметил тебя. Приветствую тебя на борту этой славной посуды, мой старый друг...

– Не ври, мы с тобой никогда не были друзьями.

– Для тебя, Гуриец, на моём корабле всегда найдётся тёплая и сухая каюта, для тебя и твоих друзей. Просто я не знал, что этот мальчик – важная особа.

Пит только сейчас вспомнил о своих синяках и отвернулся.

– Ты опять врешь, Прыщ. Кому как не мне знать, что на твоём корабле нет сухих кают, – Гуриец убрал руку с меча. – Лучше расскажи мне, куда ты дел Хилса.

Нел Прыщ поведал историю про бордель, а так же рассказал, сколько трудов потратил, чтобы найти подходящего кока.

– Этот парень настоящий мастер своего дела. Он готовит такое замечательное рагу, что мои матросы готовы вылизывать тарелки. Его тушёная капуста – настоящий кулинарный шедевр. Поэтому мы и зовём его Кочерыжкой.

– Я не люблю капусту, а мой хозяин не привык есть помои. Надеюсь, этот увалень сумеет ему угодить, и мы будем жрать не одну капусту?

– Что ты? Как ты и велел, мы заготовили продукты: овощи, буженина, индейка. Кочерыжка по моему приказу приобрёл несколько бочонков лучшего белого вина, какое только можно купить в нашей дыре. Пойдём, я тебе всё покажу.

– Пусть всё это покажет твой кок, и покажет ему, – Гуриец указал на Рикона. – А ты проводи меня и моего господина в его каюту. Я думаю, вы хотите отдохнуть с дороги, милорд.

Эйн указал лорду Альберту на трюм, и они спустились туда втроём. Вскоре на палубу снова вышел кок, и они с Риконом отправились осматривать корабль, Пит увязался за ними.

Молодой кок показал Рикону все запасы. Тот со знанием дела осмотрел мясо и птицу, попробовал вино, проверил овощи и фрукты на зрелость. Молодой кок, вёл себя очень доброжелательно, старался угодить. Причём не только Рикону, но и Питу. Попутно Кочерыжка рассказывал о парусах и о том, как ими управлять.

«Полосатая медуза», небольшое двухмачтовое судно с навесным рулём и прямыми штевнями, оказалась набитой доверху тканями и кожей, которые капитан Нел вёз на продажу на острова. Видя неподдельный интерес мальчика, молодой кок не скупился на слова. Он всё больше

и больше нравился Питу, потому что ходил вразвалочку, как все моряки, при этом сильно размахивал руками, говорил с хрипотцой, употреблял разные морские словечки.

– Ты не подумай, – важно заявлял Кочерыжка, пока Рикон рылся в мешках с продуктами. – Я ведь не какой-нибудь сухопутный поварёнок, неспособный отличить грот от бизани¹ – я самый настоящий матрос. Уж можешь мне верить, старина.

– А это для чего? – то и дело спрашивал Пит, тыкая пальцем в очередной канат или парус.

Кочерыжка ни разу не запнулся. Он знал о кораблях и море всё, чем вызвал у Пита настоящий восторг.

Закончив осмотр Пит, Рикон и Кочерыжка спустились в трюм. Пассажирам выделили две каюты. В одной из них поселили лорда Альберта, в другой разместили остальных. Несмотря на тесноту, каждому досталась отдельная койка. Пока Рикон перетряхивал свою постель, ворчал и фыркал, оглаживая одеяло и подушки кончиками пальцев, Пит завалился на свою кровать и уснул.

Проснулся Пит от громкого стога.

Он встал с койки и почувствовал, что пол под ногами ходит ходуном. Мальчик спрыгнул на пол и почувствовал, что тот покачивается. Стон повторился. Пит обошёл кровати, на которых спали Гуриец и Малыш и увидел сидящего на полу Рикона. Лицо мужчины было бледным, на лбу поблёскивали капельки пота.

– Это морская болезнь, – выдохнул коротышка. – Она всегда донимает меня, стоит только оказаться в море. Похоже, мне придётся у тебя помощи. Принеси мне сейчас же кадку или ведро.

– Зачем? – поначалу не понял Пит.

– Беги скорей и не задавай глупых вопросов.

Пит догадался и бросился наверх.

Оказавшись на верхней палубе, мальчик увидел четверых. Двое стояли у левого борта и о чём-то беседовали, третий стоял у руля, четвёртый натирал палубу огромной щёткой. Эти четверо (это Пит узнал позднее), помимо капитана и кока, и составляли всю команду «Полосатой медузы». Матросы, внешностью и повадками, довольно сильно походили на своего капитана: все – не моложе сорока, худощавые, с заросшими щетиной лицами.

Пит робко приблизился к тому, что драил палубу и спросил, где он может взять ведро.

– Укачало, – понимающе сказал матрос, – Иди на камбуз, Кочерыжка найдёт тебе посудину. Только поторопись, если заблужёшь мне палубу, я тебя взгрею.

– Это не для меня, – Пит нырнул в трюм и по запаху отыскал владения своего нового приятеля кока.

Камбуз оказался маленьким, душным закутком с небольшой печкой, обшарпанным столом, табуретом и здоровенной кадкой в углу, на крышке которой лежал здоровенный зелёный кабачок и миска с сырой репой. На стенах висели связки лука и чеснока, засохшие веники из ароматных трав, которые перебивал кислый запах квашенной капусты и рыбьих потрохов. На печи стояла небольшая кастрюля, в которой что-то бурлило. Всё это напомнило кухню, в которой Ханна и Джулия готовили еду для постояльцев. Пит отогнал воспоминания.

Возле стола на табурете восседал Кочерыжка и чистил лук.

– Тебе чего, приятель? Проголодался? Обед ещё не скоро. Придётся потерпеть.

– Простите меня, мэтр. Одному из моих спутников понадобилось ведро, его укачало.

Кок добродушно рассмеялся.

– Не стоит называть меня мэтром, от такого обращения мне становится не по себе. Можешь, как и все, звать меня Кочерыжкой. Я уже привык к этому прозвищу.

– Я знаю, ведь вы любите капусту.

¹ На малых двухмачтовых парусных судах: грот-мачта – первая от носа, бизань-мачта – вторая.

– Терпеть её не могу, но на этом корыте целые залежи этой дряни. Эти запасы сделал прежний кок. Насколько я знаю, Кочерыжкой раньше называли именно его. Мне же эта кличка досталась по наследству. Но ты не волнуйся, для вас я приготовлю своё лучшее блюдо

– А что вы будете готовить для нас?

– На обед я подам запечённую рульку с травами и румяной корочкой, а к ней миску дымящейся гороховой каши. Как тебе такое блюдо?

– В нашем заведении, основным блюдом считалась запечённая в мяте свинина. Правда, её подавали не с гороховой, а с гречневой кашей. Мне же обычно давали фасоль, которую варила Толстуха Ханна в большом котле. Джулия варила гречневую кашу лишь для богатых посетителей..

– В вашем заведении? Ты что же, приятель, тоже работал поваром, как и я? Получается, что мы с тобой занимались общим делом, – кок достал из кармана небольшое яблоко и протянул Питу.

Пит тут же впился в него зубами.

– Я не умею готовить. Мне доводилось чистить овощи и мыть посуду. Иногда я прислуживал гостям. Мой прежний хозяин держит постоялый двор на Голхардском тракте.

– Так далеко? Вон значит как. А кто такая эта Джулия? Она, наверное, действительно мастерски готовит, раз её стряпня предназначалась для богатых постояльцев.

Пит так рассмеялся, что несколько кусочков яблока вылетели у него изо рта.

– Джулия умеет готовить, но основная её заслуга не в этом.

– У неё пышное тело и сладкие губы. Признавайся, я ведь угадал?

Пит поднял с пола вывалившейся кусок яблока и сунул его в рот.

– Друзьям лорда Альберта Джулия не приглянулась. Да и сам лорд назвал её трактирной девицей.

– Ну ладно лорд, а ты сам-то, наверное, не раз похлопал эту Джулию по её упругой попке. Признавайся, тебе она по вкусу или нет?

Пит покраснел и замотал головой.

– Я ещё мал для таких дел, к тому же Джулия часто поколачивала меня и называла грязнулей. Меня любила только Толстуха Ханна, но всё равно не так сильно, как своих карапузов. Их у неё двое.

– Ну а деревенские красотки, такие, кто помоложе, они что, не приставали к тебе, не звали на сеновал? – Кочерыжка хитро подмигнул. – Ты же настоящий красавчик, или тебе не нравятся девчонки?

Пит покраснел ещё сильнее, потом откусил от яблока очередной кусок и произнёс с набитым ртом:

– Мне очень нравятся некоторые девчонки, но они тоже избегают меня, называют Неряхой и смеются надо мной. Зато некоторые постояльцы проявляют вовсе нездоровый интерес, такие как мэтр Шлохо.

– Он к тебе приставал? – кочерыжка вытер ладонью глаза, которые слезились от лука и отложил нож.

– Терпеть его не могу. Когда он меня схватил, я специально вылил на него пиво. Слышали бы вы, как он орал. Правда, за это хозяин устроил мне такую трёпку. Признаюсь, что когда лорд Альберт приехал на наш постоялый двор, я сначала подумал, что ему нужно того же... того же, что и Шлохо. Но лорд Альберт был со мной добр, он даже отругал Эйна, когда тот избил меня. Лорд Альберт влюблён в какую-то женщину и именно к ней мы держим путь.

– Похоже, твой хозяин везёт тебя в бухту Зелёных Лоз. Он называл тебе это место, ведь так?

Пит перестал жевать и уставился на кока.

– Куда мы едем не знает даже Рикон. Гуриец точно знает, возможно, Малыш тоже. А что это за бухта Зелёных Лоз.

Кочерыжка воровато огляделся, потёр подбородок и, приблизившись к Питу, прошептал:

– А кто-нибудь из твоих друзей называл имя Луизы-затворницы?

Пит почувствовал волнение и шагнул к двери.

– Я зашёл лишь за тем, чтобы попросить ведро...

Кочерыжка придержал мальчика рукой, потом достал целую корзину яблок и поставил перед Питом.

– Вот, бери сколько хочешь. А что за друзья, с которыми у вас на постоялом дворе встречался твой лорд? Расскажи, сколько их было, о чём они говорили.

– Я ничего не знаю, знаю лишь, что стряпня Джулии им пришлась не по вкусу, они даже эль пить не захотели. Вы дадите мне ведро, а то Рикон будет меня ругать?

Кочерыжка подошёл к двери, приоткрыл её и выглянул в коридор. Потом плотно прикрыл дверь. Питу стало страшно.

– Ешь яблоки, это всё для тебя, только постарайся вспомнить, о чём говорил твой новый хозяин и те люди, с которыми она встречался в вашем заведении.

Пит отодвинул корзину.

– Мне просто нужно ведро. Я лучше пойду.

Пит снова рванулся к выходу, но кок ухватил его за руку и силой усадил на табурет. Их простоватого добряка Кочерыжка в одно мгновение превратился в злодея. Он скривил лицо и резко притянул Пита к себе.

– А ты случайно не врёшь?

– Пустите же. Мне больно.

– Мне нужно знать, кто были те люди, и о чём говорил с ними твой лорд. Если не скажешь, я удавлю тебя, щенок, а потом выброшу за борт.

Кок так сжал руку Пита так, что мальчик взвизгнул.

– Пусти меня! Я больше ничего тебе не скажу...

Он не закончил фразу, потому что дверь распахнулась. В дверном проёме стоял Малыш Гук.

– Я уже выбился из сил, бегая по всему кораблю, – сказал Малыш.

– Рикон послал меня за ведром.

– Мальчик действительно приходил за ведром. Я угостил его яблоками, и мы немного поболтали, – Кочерыжка заслонил Пита собой.

– Значит, Хилса прирезала шлюха, и Прыщ тут же взял тебя на корабль, – тихо сказал Малыш Гук. – Кто ты такой? Говори!

Кочерыжка попятился.

– Я всего лишь новый кок. Вот ведро...

– Стой, где стоишь!!!

Но Кочерыжка шагнул к печи, схватил кастрюлю и швырнул её в парня. Тот успел прикрыться рукой. Кипяток опалил плечо и ладонь, юноша взревел от боли. Кочерыжка отшвырнул от себя Пита, тот ударился о край стола. Кок схватил со стола нож и полоснул согнувшегося Малыша по плечу. Меч, который тот успел обнажить, с грохотом ударился об пол. Из руки Малыша брызнула кровь.

Малыш, стиснув зубы, прыгнул на кока и попытался вырвать нож. Кочерыжка был гораздо крупнее, но его противник был вёртким как кошка. Выбить нож не удалось, но Малыш ловко ударил кока по голени. Тот смог удержаться на ногах, но ослабил хватку, и тут Малыш ударом кулака наконец-то смог обезоружить своего врага. Кон напоминал разъяренного зверя.

Малыш отскочил, поднырнул под летящий ему в лицо кулак и выбросил руку вверх. Он целил пальцами в горло, но кок успел прижать подбородок и удар пришёлся в челюсть. Голова

Кочерыжки лишь слегка дёрнулась. Малыш истекал кровью. Здоровяк сгрёб его в охапку и повалил. Пит бросился на кока и вцепился ему в горло. Кочерыжка отшвырнул его, точно куклу. Пит отлетел и расквасил о край стола нос. И тут на камбузе появился Гуриец. Он был в одной рубахе, но был вооружён до зубов. Увидев Малыша на полу и сидящего на нём кока, Эйн не стал хвататься за меч и вынул кинжал. Далийский клинок вошёл меж рёбер по самую рукоять. Кочерыжка дёрнулся и захрипел. Гуриец вырвал нож из раны и нанёс ещё несколько ударов. Кок повернулся к своему убийце. Гуриец оттолкнул здоровяка ногой, тот рухнул. Малыш с хрипом отполз в сторону. Он держался за горло и громко хрипел. В этот момент на камбузе появился лорд Альберт.

– Что здесь происходит? – Кохни покосился на Пита, у которого из носа текла кровь, и сдвинул брови. – Ты снова изувечил мальчишку?

– Это не он, милорд, – прохрипел Малыш, потом кивнул Питу. – Спасибо, приятель, я не забуду того, что ты хотел для меня сделать. – Он тяжело дышал, его лицо было кроваво-пунцовым. Сделав несколько глубоких вдохов, Малыш поднялся, подобрал свой меч и сунул в ножны. Потом он подошёл к мертвецу и перевернул его. – А ты не погорячился, Гуриец? Может его стоило расспросить?

– Я думал о том, как спасти тебе жизнь, дурак.

Гуриец приблизился к труп и, припав на колено, разорвал рубаху на его груди.

– Он не просто так оказался на этом корабле, убедитесь в этом сами, милорд.

На груди мертвеца, прямо под левой ключицей, красовался выколотый чёрной краской рисунок – длинный меч, перерубающий хвост скорпиона.

Глава четвёртая, в которой Малыш перевоплощается в цирюльника, а Пит получает «небольшой» урок истории и вдруг проявляет интерес к тому, чему собрался обучать его Рикон

– Я не знал, что он шпион, Гуриец! Клянусь! Когда шлюха прирезала Хилса, мне понадобился кок. Я ждал вас, как мы и договаривались. Времени оставалось мало, а этот парень подвернулся очень кстати. Вот я и взял его на корабль, – Нел Прыщ стоял на коленях, Гуриец лезвие кинжала к его горлу. – Я и знать не знал, что он из братства, будь оно не ладно.

Малыш сидел на перевёрнутой бочке возле грот-мачты и правил на кожаном ремне свой далийский кинжал. Свой меч он вынул из ножен и зажал между колен. Все четверо матросов сгрудились вдоль борта и опасливо поглядывали то на своего капитана, то на мёртвое тело кока, лежащее у трапа. Рикон и Пит стояли в стороне, лорд Альберт не пожелал участвовать в допросе. Накануне он, пошептавшись с Гурийцем, спустился в свою каюту.

– Если бы я не знал тебя столько лет... – Гуриец зло скалился. – Только это удерживает меня от того, чтобы не проткнуть твою шею немедленно.

– Да-да, конечно, мы же старые друзья.

– Кроме Малыша у меня нет друзей, а ему сегодня обожгли лицо и едва не свернули шею, и всё это случилось по твоей вине.

– Конечно-конечно, я виноват, прости.

– Так вот, если я узнаю, что ты навёл на нас людей Энмара Ридли, или ещё кого-то из их гнусного братства, моя рука не дрогнет, и я без всякого сожаления перережу тебе глотку.

Эйн надавил на клинок, Прыщ заорал:

– Нет-нет! Не делай этого, Эйн! Я докажу, что не предавал тебя.

– Прикажи своим людям снять рубахи, ну а потом Малыш продемонстрирует нам, как он умеет стричь. Он не цирюльник, но ему приходилось видеть, как пастухи стригут своих овец,

так что со своей задачей он справится. Он уже обрил многих из тех, кто попадался нам на пути и не вызывал доверия. Думаю, что потерять волосы не так страшно, как лишиться головы. Ну-у!

Гуриец подтолкнул капитана, тот, прямо на коленях подполз к матросам и рявкнул:

– Чего уставились, идиоты? Сказано вам, раздевайтесь!

Прыщ поднялся с колен и дёрнул одного матроса за рукав. Тот быстро стянул с себя рубаху. Остальные тоже разделись по пояс. Гуриец внимательно осмотрел грудь и бока каждого. Потом настала очередь Малыша. Он проверил о ноготь остроту своего клинка и приступил к работе. Матросы хмурились, но ни один из них не посмел возразить. Видимо все они знали, что Эйн не любит шутить. Бритьё голов заняло не так уж и много времени, по крайней мере меньше, чем предполагал Пит. Он изредка потирал ушибленный нос и, открыв рот, следил за тем, что происходило на верхней палубе.

Убедившись, что тела матросов чисты, Эйн сорвал рубаху с самого капитана.

– Голову брить не станем, твоя лысина и так нам хорошо видна, – оскалился Эйн. – А теперь забудем об этом. Ты и твои матросы должны молчать. Надеюсь, они не сильно болтливы.

– Я ручаюсь за них. Можешь не сомневаться.

Гуриец пнул тело лежавшего кока ногой.

– А теперь выкиньте эту падаль за борт, и пусть каждый займётся своим делом.

Матросы поспешно натянули одежду. Двое из них, подхватили тело Кочерыжки и швырнули его за борт. Пит дёрнул Рикона за рукав и прошептал:

– Зачем он приказал раздеть команду?

– Ты видел татуировку на теле у своего дружка? Эйн должен был убедиться, что среди наших матросов больше никто не носит этого знака. Пойдем отсюда, малыш. Нам больше нечего здесь делать.

Когда они спустились в каюту, Рикон уселся на стул, опустил голову и просидел так несколько минут. Его всё ещё немного мутило. Вскоре в каюту вошёл Малыш, подошёл к сундуку и достал небольшой стеклянный сосуд.

– Пока ты бродил по кораблю в поисках ведра, я не сидел без дела. Эта мазь поможет быстрее свести синяки. Ей неплохо бы настояться, но можно начать лечение уже сейчас.

Из баночки пахло уксусом и какими-то травами. Пит, вздохнув, уселся на табурет, Малыш прямо пальцем принялся натирать лицо мальчика.

– Ну как? – спросил Малыш.

– Я почти ничего не чувствую, – ответил Пит.

Глядя на Малыша Пит не удержался.

– Этот кок поначалу вёл себя очень дружелюбно, а потом...

Малыш улыбнулся и убрал склянку в сундук.

– Ты вёл себя бесстрашно, я благодарен тебе за это. Гуриец тоже. Но, прости я не могу тебе рассказывать больше того, что рассказывает Рикон и сам лорд. Потерпи, ты скоро всё узнаешь.

В этот момент в каюту вошёл лорд Альберт.

– Скоро синяки начнут спадать. Не гарантирую, что его лицо очистится полностью, но скоро вы его не узнаете.

– Хорошо, – лорд Альберт достал из кармана заветную монету и принялся крутить её между пальцев, сел на табурет.

Какое-то время он сидел молча, потом выпрямился и с серьёзным видом посмотрел на Пита.

– Рикон просит разрешения открыть тебе кое-какие секреты. Ему трудно обучать тебя, так как он не знает, что можно тебе доверить, а что нет. Малыш сказал, что ты храбро вёл себя,

когда молчун напал на него, но перед этим слишком много болтал, но в этом нет твоей вины. Ты же не знал, что можно рассказывать нашим врагам, а что нет.

– Почему вы зовёте Кочерыжку молчуном? И что это за знак у него на груди? И что это за Орден, о котором все говорят? – Пит сыпал вопросами.

Лорд Альберт заговорил:

– Орден состоит из четырёх лож, каждая из которых возглавляется собственным командором. Есть ложа всадников – это лучшие рыцари, которые являются беспощадным оружием Ордена, поэтому их командора и называют не только Первым Всадником, но ещё и Карающим Мечом. Второй ложей являются тени, все они – женщины. Тени делятся на милашек и фурий. Первые – это лучшие мастерицы обольщения, вторые – настоящие воины ночи, и те и другие – безжалостные убийцы. Их командором является леди Энга, Первая Тень. Ещё есть молчуны – тайные шпионы, способные просочиться в любую щель и выведать всё, что является угрозой для Ордена и короля. Их командор Энмар Ридли. Последние – самые таинственные и злобные из всех членов братства. Они занимаются колдовством и чёрной магией. Все четыре ложи соперничают друг с другом, если это соперничество не назвать настоящей враждой.

– И все они носят этот знак?

– Кто-то под рубахой, но самые избранные носят татуировку под волосами. Орден служит королю Редрику, ищет тех, кто готовит заговоры против короля. Себя они представляют тем самым мечом, которым они отрубят скорпионье жало и обезвредят изменников. – Лорд Альберт усмехнулся. – Такие как Кочерыжка считают меня мятежником, но это не так, и я могу объяснить почему.

Пит покосился на Рикона и Малыша.

– Мятежником я называю того, кто предал своего законного правителя, – сказал Альберт. – Чтобы ты всё понял, для начала, я хочу, чтобы ты узнал историю королевского дома. Попросим об этом Рикона, ведь никто лучше его не расскажет тебе её.

Рикон, поклонился лорду и заговорил:

– Много лет короли из династии Колендейлов правили этими землями. Они основали королевство, они же и владели его тронном. Однако сотню лет тому назад в горах, что за Меловым морем на севере, появились многочисленные племена чужаков.

Длинноволосые бородачи, покрывавшие свои лица краской, пред тем как отправиться в бой. Они были привычны к жизни в горах, там же растили зерно и пасли коз. В бою они были бесстрашны и дики, не знали пощады к врагу. Они поклонялись древним богам, известным лишь им одним и приносили в жертву девушек и мальчиков, таких же как ты. Они не знали вина и пили хмельной мёд, они же воевали друг с другом, используя отравленные стрелы.

Эти люди называли себя апасхами, они поселились в горах и до поры до времени не пересекали границ королевства. Но всё когда-то случается впервые. Когда вожди апасхов поняли, что места уже не хватает, несколько племён, заключив договор, вторглись в королевские земли. Правил страной тогда король Эгар, дед нашего Редрика, второй в династии Колендейлов с этим именем. Эгар не любил сражений и носил прозвище Добрый. Да-да, именно так его называли.

Поэтому северные лорды не стали дожидаться помощи от короля. Они собрали войско и сразились с горцами в открытом бою. Это была великая победа. Северяне погнали апасхов в горы и там угодили в засаду. Это была настоящая резня. Апасхи смогли одолеть рыцарей, облачённых в сталь на равнине, и поняв свою ошибку, стали нападать из засад. Войско лордов с позором бежало. Лорды и заперлись каждый в своём замке и боялись высунуть носа из-за высоких стен. Тут уж северные лорды и стали просить помощи у короля.

Король Эгар отправил войско, но апасхи тут же отступили. Войско простояло лагерем почти год, за это время было построено несколько укреплённых застав, но и это не спасло северных лордов от разграбления. Апасхи больше не стремились к завоеваниям, но малыми отрядами, минуя заставы, проникали во владения лордов, грабили имения, угоняли скот.

Северные лорды терпели убытки. Они стали просить короля Эгара собрать большое войско и навсегда изгнать апасхов, но король отказал. Эгар Второй не был ни героем, ни храбрецом, он не хотел воевать...

– Я знал одного человека, он жил рядом с нами. Его жилище стоит всего в десятке шагов от домика прачки Эльзы, – заявил Пит с серьёзным видом. – Когда его забирали на королевскую службу, он тоже не хотел воевать. Вот только добрым он вовсе не был. Один раз он так надрал мне уши, когда я попал камнем в одну из его куриц. Они очень часто заходили к нам во двор и клевали овёс, приготовленный для лошадей постояльцев.

– Не стоит сравнивать деревенских лентяев с особами королевской крови, – возмутился Рикон. – Слушай и не перебивай. Добрый не хотел воевать, но не таким был его сын Карел. После смерти отца Карел Шестой взойшёл на трон и призвал всех своих вассалов на большую войну. Уж этот-то умел нагнать на врага страху. Карел не лез в горы без разведки, и создал небольшие пешие отряды рыцарей, взял из местных проводников и изрядно потрепал горцев. Они жгли деревни, приглашали вождей отдельных кланов к себе на службу и использовали их, для борьбы с соседями. За успехи в битвах, этого Карела прозвали Завоевателем. Он мог навеки вырезать всех апасхов на корню, но его обвели вокруг пальца.

Один из вождей, горец по имени Гориск Синяя Кожа, сам пришёл к королю и предложил помощь в борьбе со своим соседом Фелеоном Седым. Он обещал показать, дорогу через горный перевал и вывести рыцарей Завоевателя к тому месту, где Седой разбил свой лагерь. Завоеватель был не так прост, первыми он отправил разведчиков, и вскоре те доложили, что лагерь действительно есть. Однако путь к деревне горцев лежал через ущелье, которое было очень удобным для засады. Завоеватель к тому моменту так уверился в своей удаче, что не увидел обмана. Тем более, что Гориск с десятком своих людей лично вёл королевское войско через горы. В ущелье произошло страшное. Огромный камнепад обрушился на рыцарей короля. Когда закончились камни, в оставшихся в живых рыцарей полетели отравленные стрелы. Немногим тогда удалось уйти. Карел был одним из них. Место, где Завоеватель потерпел поражение, стали называть Ущельем Смерти.

Горис, заключивший союз не только с Фелеоном, но и ещё с несколькими могущественными вождями кланов, вторгся в земли королевства, и лишь храбрость и отвага северных лордов и их рыцарей помешала апасхам завоевать весь север, включая Гиблые пущи. Был заключён мир, по которому Завоеватель отказался от всех завоёванных земель, отдал Гориску всех захваченных накануне пленников и заплатил много золота. В битве, которая произошла в Ущелье Смерти, король был ранен отравленной стрелой. Лучшие лекари столицы и Сафских островов пытались вылечить его, но тщетно. На престол вошел сын Завоевателя, очередной Карел, но уже Седьмой. Для простоты будем называть его тем прозвищем, которое ему дал народ – Домосед.

– Забавное прозвище, – хихикнул Пит.

– Не догадываешься, почему его так прозвали?

– Наверное, потому же, почему его деда прозвали Добрым – он не хотел воевать.

– Верно! – улыбнулся Рикон. – Хотя и не совсем. Домосед просто жаждал отомстить, но не желал выезжать со двора. Он был хром на левую ногу, подслеповат и плохо держался в седле. Он жаждал отомстить Гориску, который к тому времени стал верховным вождём всех апасхов. Домосед решил послать на север своего брата Редрика. Редрик согласился, но поставил условие...

Видя неспособность армии состоящей из рыцарей противостоять горцам на их земле, Редрик предложил королю создать регулярную пехоту. Домосед не стал возражать. Редрик назвал новое войско лангой. Он сам набрал в него первых солдат. Командующим ланги стал старый друг Редрика Джей Фармен, воевавший ещё в армии Завоевателя и имевший изрядный боевой опыт. Вдвоём они разработали целую стратегию и обучали лангеров сражаться меньше

чем за год. Только после этого они отправились воевать. Редрик управлял конницей, а Джей Фармен вёл за собой лангеров.

Ланга показала себя в боях. Лангеры носили лёгкие доспехи, которые почти полностью прикрывали их тела от отравленных стрел. Они умели выстраиваться в ряды и создавать стену щитов, защищаясь как от прямого попадания, так и от стрел, падающих с высоты. Редрик и лорд Джей одержали много побед и захватили в плен самого Гориска Синюю Кожу. Вождя апасхов доставили в столицу. Домосед сгорал от желания поквитаться за отца, поэтому приговорил Гориска к мучительной смерти.

Редрик был против этого. Он убеждал короля оставить вождя апасхов у себя. Гориск ведь среди своих считался не только вождём, он был ещё и верховным жрецом. Редрик был уверен, что пока Гориск жив, апасхи не станут нападать, опасаясь расправы над своим вожаком. Но король не послушал брата. Гориска распяли, и он умер мучительной смертью. Из-за этого между братьями произошла ссора, а Джей Фармен вообще, узнав о казни апасха, публично назвал Домоседа глупцом. Король пришёл в бешенство. От смерти обоих полководцев спасло лишь то, что новое войско было готово взбунтоваться, узнав о том, что король хочет прижать их суду за измену и казнить. Король отменил суд и казнь, но и держать Редрика и лорда Джея возле себя не стал. Редрик был сослан на острова, а Джей Фармен отстранён от командования лангой.

Вскоре Домосед был убит. Его настигла отравленная стрела, когда он гулял в парке своего дворца. В смерти короля винили апасхов, которые отомстили за Гориска, винили и Редрика, были даже такие, кто полагал, что короля приказал убить его сын Эгар. Наследник трона боготворил Редрика и лорда Джея, героев войны, и осуждал отца за то, что тот не высовывает носа из собственного замка. Эгар Третий был отчаян и горяч, статен и красив, его нарекли Светловолосым и полюбили. Взойдя на трон, Эгар вернул лангерам их вождя, а Редрика призвал ко двору.

Апасхи, не зная об этом, окрылённые смертью короля, снова напали.

Рикон умолк и Пит поспешил вмешаться:

– Я слышал и эту историю. Её мне рассказывала Толстуха Ханна. Светловолосый с небольшим отрядом попал в засаду и погиб, а лорд Редрик стал королём.

– А твоя Толстуха не сказала, кто предал молодого Эгара? – гневно выкрикнул лорд Альберт. – Светловолосый был отчаян, но слушал Редрика и лорда Джея, можно сказать смотрел им в рот. Редрик был с молодым королём, когда тот погиб. Как он мог позволить Эгару оставить войско и бросится, сломя голову, в глухой лес? Как? Лишь Редрик и несколько лангеров выжили в той битве. Спроси, меня почему? *Потому что Редрик это подстроил!* Как только Светловолосый пал, войска, верные Редрику, провозгласили его королём. И что сделал Редрик после этого? Пришёл к королеве, жене Эгара, и попросил её руки. – Лорд Альберт с силой стиснул застывшую в его руке монету, его губы дрожали. Он подскочил к Питу и притянул к себе. – Я хочу восстановить справедливость. Король Редрик должен покинуть трон, который он не вправе занимать.

– Но как вы собираетесь это сделать?

Лорд Альберт оттолкнул Пита и выпрямился.

– После покушения на Редрика, новый король перестал быть тем, кем до этого был. Он живёт в келье и позволяет Ордену бесчинствовать по всей стране. Сегодня тем, что творят братья, недовольны многие. Орден нагнал страху, но не сломил народ. Многие готовы выступить против Ордена и короля, нужно их лишь подтолкнуть. Я не любил Светловолосого, но его любил народ. Любил он и его королеву.

– Значит та женщина, о которой вы говорили, и которую я должен покорить... – Пит замер.

– Её называют Луиза-затворница, а когда-то она звалась по-другому. Было время, когда она являлась повелительницей Лессвирских равнин, земель Макома, Делы и Юктоса, правительницей всех прочих земель королевства от Гиблых пуц до Гурии, повелительницей острова Дали и других островов Северной Сафы. Завтра мы высадимся на южном побережье Фроба, в бухте Зелёных Лоз. Там у самого побережья на взгорье и находится замок, в котором и живёт Луиза-затворница – бывшая королева, вдова павшего в бою с апасхами Эгара Светловолосого. Теперь ты знаешь всё, кроме одной крохотной детали, о которой я скажу тебе лишь тогда, когда ты очаруешь мою Луизу.

Лорд Альберт убрал монету в карман и выбежал из каюты. Малыш улыбнулся и тоже вышел. После того как они остались вдвоём, Пит подошёл к Рикону и дёрнул коротышку за рукав.

– Доставай свой столик и вилки и что там ещё? Обещаю, что буду тебя слушать и делать всё, что ты скажешь.

Часть третья

Королева-затворница

Глава первая, в которой Луиза и её новая служанка знакомятся с весьма загадочной птицей, а потом ещё и с довольно странным посланцем

Луиза захлопнула книгу и подняла глаза. Пение доносилось из кустов, но самого певца не было видно. Как красиво звучит его голос. Интересно, что это за птица? Женщина встала, сделала несколько шагов, подошла к кустам и опустила ветку. Пение не прекращалось. Луиза сделала ещё шаг, под ногой что-то хрустнуло. Певец умолк. Ну вот, я стала такой неуклюжей, поморщилась женщина, неужели улетел? Луиза пригляделась, перед глазами по-прежнему не было ничего кроме яркой весенней зелени. Она подняла глаза. Утреннее солнце, заставило зажмуриться и прикрыться рукой. Сзади послышалась лёгкая поступь. Кусты раздвинулись. Девушка в голубой тунике, перетянутой широким поясом цвета начищенной меди, вышла на поляну. Лет пятнадцати, из-под высокого тюрбана спускались длинные косы, алые ленты, вплетённые в них, заканчивались белой бахромой. Мочки ушей юной красавицы оттягивали крупные серьги из фробского стекла. Пухлый, как у всех женщин с Сафских островов, рот был чуть приоткрыт, глаза, обрамлённые длинными ресницами, смотрели немного испуганно. Девушка подошла и склонилась в поклоне.

– Простите, госпожа. Меня прислал мэтр Лигт. С материка прибыл человек, у него к вам дело, вас просят вернуться в особняк.

Луиза посмотрела строго:

– Кто ты? Раньше я не видела тебя.

– Меня зовут Мэй, госпожа. Я новая служанка, – девушка ещё раз присела.

Реверанс был безупречен, как и всё остальное: прямая спина, плавная походка. Для местной девушки она ведёт себя слишком по-светски, решила Луиза и задала очередной вопрос:

– И давно тебя приставили ко мне?

Мэй улыбнулась и защебетала, как птичка:

– Лигт купил меня у работоторговца Хабиба. Я здесь уже несколько дней, и Мэтр хотел представить меня ещё вчера, но они долго не могли подходящую одежду. Говорят я слишком маленькая и худая.

Луиза подошла, взяла Мэй за подбородок, бесцеремонно подняла его вверх. «Подвоха в моём вопросе она не поняла, – размышляла Луиза, – или сделала вид, что не поняла? Хороша? Не то слово как хороша. Лорд Бэрри всегда присылает красавиц. Неужели одна из милашек Энги? Обычно Орден посылает милашек к мужчинам. Красивой женщине легче выпытать то, что есть у мужчины в голове».

– Откуда ты? – спросила Луиза всё так же строго.

– Из Доса, госпожа, – это маленькая деревушка на одном из островов, рядом с Фробом.

– Значит ты местная. Почти все мои слуги с материка.

– Я местная.

Неужели не шпионка?

Из кустов вновь послышалось пение. Девушка подняла голову, Луиза усмехнулась:

– Ты словно услышала вой далийской гиены.

– Далийская гиена не самый страшный зверь. К тому же гиены водятся южнее, в степях.

– А кто же, по-твоему, самый страшный?

– На Сафе много ужасных зверей, – Мэй опустила взгляд. – Простите, госпожа. Я, похоже, слишком много болтаю. Я ещё не обучена прислуживать таким... – девушка запнулась, – таким знатым особам, как вы.

– Прекрати! От моей бывлой знатности не осталось и следа. Хоть меня и называют затворницей, все прекрасно знают, что я здесь не по своей воле. Каждая собака на этом клочке земли знает, что я пленница, не изображай из себя полную невинность. Тебя приставили шпионить за мной, и мы обе это знаем.

Девушка замотала головой, её огромные глаза округлились.

– Простите, госпожа. Я не понимаю, о чём вы говорите.

Девушка хотела отступить, но Луиза ухватила её за руку.

– Признавайся, тебе велели рассказывать о каждом моём шаге! Так?

– Вы делаете мне больно. Прошу вас, отпустите.

Луиза ещё сильнее сжала руку, Мэй вскрикнула и попыталась вырваться.

– Не мучайте меня, я ни в чём не виновата. Мэтр Лигт действительно купил меня у Хабиба, и он действительно велел мне присматривать за вами.

– Кому?

– Ему, только ему и никому больше. Пожалуйста, пустите, я больше ничего не знаю!

Луиза разжала руку, девушка отскочила. Она задрала рукав туники, на предплечье красовались два крупных розовых пятна.

– Можешь показать свои синяки старому пойдохе. И можешь доложить ему, что я не желаю видеть тебя рядом.

– Пожалуйста, госпожа. Я не стану ничего доносить мэтру Лигту; я обещаю. Только не прогоняйте меня. Не хочу снова попасть к Хабибу – это очень страшный человек.

Луиза улыбнулась, подошла к Мэй и снова взяла девушку за подбородок.

– Я не стану отсылать тебя Хабибу, – сказала Луиза. – И с сегодняшнего дня ты будешь сообщать Лигту лишь то, что я тебе велю. Ты меня поняла?

– Как скажете, госпожа.

– Ну что ж, тогда пойдём. Посмотрим, кто меня ждёт.

Из кустов снова раздалась громкая трель. «Снова это пение», – удивилась Луиза. – В жизни не слышала ничего прекраснее».

– Ты знаешь, что это за птица? – от Луизы не утаилось то, что юная служанка вздрогнула. – Я никогда не слышала такого пения.

– Это хохлатый дрозд, миледи. У нас его называют Вестником Рока. Многие слышали его, но мало, кто видел саму птицу. Давайте уйдём, прошу вас, – девушка опустила голову.

– Уйдём? Почему же? Я хочу посмотреть на него, уж больно красивый голос.

Мэй покачала головой.

– Услышать песнь хохлатого дрозда – это большая удача. Но тех, кто после этого стремятся увидеть птицу, подстерегает не только разочарование, но и большие беды. Вестник Рока – это часть нашей магии, посланник из тёмных миров и носитель перемен. Жрецы говорят, что хохлатый дрозд это две части одного целого – магического единения, несущего в себе красоту и уродство, жизнь и смерть, добро и зло. Прикоснуться можно лишь к одной сущности этого целого, но тот, кто прикоснётся к другой...

– Подумать, какие страсти? – сказала Луиза, не скрывая иронии.

– Голос Вестника Рока хорош, но сам он безобразен. Видимо оттого и не любит, чтобы на него смотрели. Человек, увидевший оскал хохлатого дрозда, испытывает не только разочарование: он испытывает ужас. Не стоит искать встречи с этой птицей. Наши жрецы говорят, что тот, кто услышал песню дрозда, исполнит все свои мечты, но тот, кто при этом увидит саму птицу, всё потеряет и вернётся к тому от чего пришёл. Прощу вас, миледи. Давайте уйдём. Мы обе слышали песню, теперь осталось лишь загадать желание и всё что мы хотим, исполнится.

Луиза рассмеялась.

– Всё это дикость. Я не верю в ваших колдунов и магов. А ты, похоже, веришь?

– Верю моя госпожа, – Мэй скромно опустила голову.

– И что же ты загадала?

– Я хочу стать свободной и встретить свою любовь, – сказала девушка так бесхитростно. —Наверное, этого же желают и все другие женщины.

– Любовь и свобода... Все женщины только об этом и думают, но я – не все! Кроме любви и свободы я хочу гораздо большего.

– И чего же вы хотите, госпожа?

– Не важно, я всё равно не верю в эти предрассудки и желаю посмотреть на вашу страшную птицу.

Любовь, свобода – этого хотят все, но Луиза больше всего на свете желала вернуться ко двору, снова стать королевой и увидеть мёртвого Редрика. Однако этой девчонке совсем не нужно этого знать. Луиза с презрением посмотрела на Мэй. Слишком красива и скромна, представляется глупышкой. Точно она одна из милашек Энги. Луиза подобрала подол широкой юбки, раздвинула кусты и двинулась туда, откуда доносились волшебные звуки. Мэй ухватила Луизу за рукав.

– Пожалуйста, не делайте этого! – но было поздно.

Теперь уже Луиза ухватила свою красивую служанку за руку.

Совсем рядом, среди ветвей и густой листвы, молодая женщина разглядела нечто похожее на бесформенный шар из перьев. Потом разглядела красные глаза и крючковатый клюв с острыми наростами, напоминающими волчьи клыки. Птица и впрямь походила на маленькое чудовище. Луиза вздрогнула, птица продолжала петь. Женщина стояла словно заворожённая. Смесь брезгливости и восхищения переполняли её. Так продолжалось несколько минут, пока хохлатый дрозд не умолк. Только тогда Луиза смогла отвести взгляд. Спустя мгновение она снова подняла глаза. Птицы на ветвях уже не было.

– Прощу вас, не нужно смотреть. Пойдёмте, а то накличете беду, – продолжала причитать молоденькая служанка.

– Он и впрямь уродлив. Только меня не напугает серый комок перьев.

– Значит, вы всё-таки посмотрели на него? – девушка опустила голову и аккуратно высвободила рукав.

Они двинулись по аллее. Старый слуга в забавной шляпе с корзиной в руках собирал мусор у газона. Смазливая рыжеволосая девица поблизости поливала цветы. На королеву они даже не взглянули. «Вестник Рока, посланник миров... а девчонка и впрямь напугана, – рассуждала Луиза, – или она так ловко морочит мне голову?» Мэй семенила рядом, за всю дорогу она ни разу больше не заговорила. Они прошли вдоль газонов, увенчанных кустами роз, и увидели четырёх стражников, которые при виде королевы отсалютовали ударами алебард по круглым щитам. Глядя на увешанных сталью мужчин, Луиза презрительно отвернулась. Её стерегут точно бесценного заложника.

Её – покинутую всеми одинокую женщину, потерявшую всё!

Неужели Редрик всё-таки её боится? Да кому я нужна, кусала губы Луиза. Она всё ещё косо поглядывала на новую служанку, по-прежнему гадая, чему из сказанного ею можно верить.

Замок, где проживала королева-затворница, являлся единственным обитаемым местом бухты Зелёных Лоз. Бухты, которая являлась, пожалуй, самым живописным местечком острова Фроб, самого крупного из всех островов Малой и Большой Сафы. Огромный водоём, врезавшийся изогнутым клином в покрытую высокими скалами сушу в хорошую погоду ласкал взгляд своим небесно-бирюзовым сиянием. Водную гладь обрамляла полоска вечноцветущей суши, резко переходящая в стену, словно выросших из-под земли, грозных и труднопроходимых скал. Именно здесь, у подножья этих скал, и располагались владения Луизы. Окружённый каменной стеной с семью невысокими башнями замок королевы-затворницы изнутри мало походил на военное укрепление, скорее – на цветущий дворец. Сам замок представлял собой выгнутое дугой трёхэтажное строение из белого кирпича окружённое садами, озерцом и аллеями. Однако, как часто повторяла Луиза, всё это великолепие – всего лишь клетка, вырваться из которой, ей скорее всего уже никогда не удастся.

Королева и Мэй и вышли к террасе. У входа в здание, в арочном проёме, стоял мэтр Лигт. В сиреневом кафтане с золотой отделкой и ярко-алых бархатных штанах, обтягивающих довольно пухлые ляжки. К лицу её надзирателя – а именно так Луиза называла Лигта – как обычно приклеилась улыбка, солоновато-сладкая, точно пересушенный инжир. Обычно Лигт в эту пору ещё нежится в своей постели, а тут... Луиза сгорала от любопытства. Чего это он так рано выполз из своей надушенной спальни, ведь у него достаточно прислуги, которая непременно следит за ней. Неужели прибывший с материка гость и впрямь столь важная особа?

Рядом с Лигтом стоял мужчина, который был ей незнаком. Чёрные брови и борода, оливковая кожа – всё это, а также крючковатый нос и выступающие скулы, выдавали в нём южанина или одного из жителей побережья. Вне всякого сомнения, это был воин. На незнакомце был до блеска начищенный стальной нагрудник из прочной лессвирской стали, плечи покрывал чёрный бархатный плащ, скреплённый золочёной заколкой в виде паука. На поясе в чёрных ножнах висел длинный меч. Сапоги из мягкой козлиной кожи не выглядели запylёнными, хотя их обладатель довольно долго был в пути. Это показалось Луизе странным. Бляха, висевшая на груди мужчины, заставила Луизу сжаться.

Герб Ордена – меч и отрубавшее им жало скорпиона – красовался на бляхе! Несмотря на отсутствие кольчужных шоссов и койфа, вне всякого сомнения, это был всадник Братства. Когда же они оставят её в покое? Луиза замедлила шаг. Интересно, для чего Редрик прислал сюда этого солдафона?

– Ты знаешь, кто это? – спросила у Мэй Луиза. – На нём доспехи символика всадника Ордена, однако, судя по богатому убранству это не простой воин, скорее всего один из капитанов всадников.

Переодетый в доспехи капитана всадников, Эйн Гуриец старался держать себя уверенно.

Мэй ответила чуть громче, чем следовало:

– Я ни разу не видела Всадников. Если бы не дорогой костюм, я бы сказала, что он больше смахивает на разбойника или наёмного убийцу. Посмотрите, какой свирепый взгляд. Не хотела бы я встретиться с ним ночью в узком переулке.

Луиза расправила плечи:

– Ступай, здесь и без тебя достаточно глаз, готовых просверлить меня насквозь.

– Как прикажете, – Мэй поклонилась, взбежала по ступенькам и исчезла за дверью.

Когда Луиза приблизилась, мэтр Лигг поприветствовал королеву поклоном. Луиза, поморщившись, кивнула в ответ. «Двуличная жаба, ну-ну, рассказывай, что на этот раз придумал наш славный Редрик. Послушаем, зачем сюда явился этот мрачный головорез».

– Позвольте, миледи, представить вам сэра Эйна Динера. Он прибыл по поручению самого Бэрри Хала. У сэра Эйна какое-то очень важное дело – такое важное, что он даже не хочет посвящать меня в него. Вы представляете?

– Неужели магистр вспомнил о бедной женщине, которую Редрик обрёл на изгнание? Мне лестно такое слышать.

– Полно вам, миледи. Как можно забыть о такой как вы? – сказал Лигг.

Когда закончился этот обмен колкостями, Луиза обратилась к капитану всадников:

– Позвольте узнать, сэр рыцарь, как здоровье короля. Он всё ещё прячется от людей, предоставляя возможность править страной вашим собратьям?

– Король здоров, – процедил посланник магистра. – Лорд Бэрри прислал меня с предложением от самого короля. Будет лучше, если мы поговорим без свидетелей.

Мужчина повёл плечом, его передёрнуло. «А его сильно стесняет эта одежда: этот плащ, эти сапоги со шпорами, а вот к оружию он привык», – рассуждала Луиза.

– Вы можете пройти в сад и побеседовать там, – сказал Лигг. – Там вам никто не станет мешать. Если лорд Бэрри приказал передать ваше послание, минуя меня... Не буду этому перечить. Что меня не касается, то... не касается меня.

Мэтр Лигг, поклонившись, удалился. Гость выдохнул и убрал руку с меча.

– Прошу вас, миледи, следуйте за мной.

Не дожидаясь ответа, мужчина решительно зашагал в сторону цветущих кустов шиповника, удивлённая Луиза двинулась следом. Они миновали кустарник, прошли вдоль небольшого пруда, в котором грациозно плавали два белых лебедя. Потом подошли к беседке, к той самой, в которой не так давно Луиза наслаждалась пением хохлатого дрозда. Мужчина остановился, огляделся по сторонам, прислушался.

– Думаете, мы здесь одни? – странный гость как-то сразу преобразился.

– Какая вам разница? – все, кто может подслушать наш разговор, доносят тому же, кому доносите вы. – Лигг, садовник, рыжеволосая девица, поливающая цветы – все они из братства. Одни служат Первой Тени, другие Энмару Ридли, а вот теперь и всадники решили за мной последить. Энга, Энмар Ридли...

– На мне одежды всадника, но я не всадник.

Королева презрительно скривила губы.

– Тогда довольно морочить мне голову, говорите, что вам надо!

Гуриец огляделся и правил бляху и, вытянув шею, прислушался.

– Вы абсолютно правы. Садовник и хрупкая девица, что делала вид будто поливает цветы. Есть ещё мальчик, собирающий мусор в парке. Его вы не заметили. Да... это всё шпионы Ордена, без сомнения.

– Кто вы? Я и без вас знаю, что на этом острове уши могут внезапно вырасти даже у самого обычного куста. Но давайте не будем сходить с ума. Утренняя прогулка меня утомила, к тому же скоро мне подадут завтрак.

Гуриец пригнулся, как хищник перед прыжком.

– Если вы, миледи, будете так орать, эти трое услышат всё.

От подобной наглости Луиза едва не лишилась дара речи. Даже её враги не смели так разговаривать с ней.

– Ваши манеры, сэр...

– Перестаньте звать меня так. Я не всадник и не рыцарь. – Гуриец вынул из кармана перстень с гербом Ордена и протянул Луизе. Однако это и мой наряд на какое-то время заставят вашего мэтра Лигга делать то, что я прикажу. Вы знаете, что эта даёт право говорить от имени самого магистра.

Изящные завитки из лучшего белого золота, в центре, обрамлённый рубинами знак со скорпионом, Луиза покрутила перстень и вернула владельцу.

– Если вы не тот, за кого себя выдаёте, то откуда вы это взяли?

– Это подделка, – Гуриец улыбнулся, убирая перстень в карман.

– Подделка? Но ведь рубины, обрамляющие знак...

– И рубины, и золото – всё настоящее. Мой господин выложил кругленькую сумму, чтобы изготовить эту штуку. На островах есть настоящие умельцы, которые за звонкую монету изготовят всё, что угодно. Только плати. Не буду говорить вам, сколько это стоит.

Лёгкий ветерок коснулся волос Луизы, она тоже посмотрела по сторонам и заговорила тише:

– Вы не Всадник, перстень и ваш наряд – подделка. Вас послал не Бэрри. Тогда кто же вы, и кто ваш господин?

– Меня зовут Эйн? В этих местах меня ещё называют Гурийцем, потому что я родом из Гурии.

– Это не важно, откуда вы родом, говорите, кто ваш хозяин?

И вдруг Луиза всё поняла и отшатнулась.

– Я всё поняла. Вас послал не Бэрри – вас послал король! Он наконец-то понял, что моей благосклонности ему не видать и прислал вас. Я всё поняла. Вы ведь пришли меня убить?

Гуриец ухватил женщину за руки и притянул к себе.

– Стойте ближе, чтобы мне не приходилось орать, и опустите голову. Возможно кто-нибудь из тех, кто за нами следит, умеет читать по губам. Мой лорд дал мне это. – Гуриец вложил в руку Луизы медную монету, та задержала дыхание и поднесла ладони к щекам.

– Откуда это... значит, он жив? – Луиза сжала в кулаке кусок серебра.

– Тише, женщина, – Гуриец огляделся. – Моего хозяина называют Казнокрадом. При Домоседе он был Казначеем короны...

– Я поняла, о ком вы говорите.

– Слушайте и не перебивайте. – Гуриец снова прислушался. – Тот старик-садовник подошёл ещё ближе. – Последние слова Эйн прошептал королеве в самое ухо: – Сегодня ночью вы должны придти в этот сад. Мой хозяин должен встретиться с вами...

– Но меня охраняют...

– В замке наш человек, вам помогут. Сейчас я должен услышать от вас, готовы ли вы встретиться.

Луиза прошла к беседке и опустилась на присыпанную листвой скамейку.

Её щёки всё ещё горели, в голове, как будто бы снова, звучала недавно услышанная мелодия – песня хохлатого дрозда. Может она напрасно не послушала эту девчонку из Доса. Какие же перемены предрекал ей этот Вестник Рока, уродливый певец с божественным голосом? Она размышляла не больше минуты, потом встала, подошла к Гурийцу и с опущенной головой прошептала:

– Передайте вашему лорду, что я приду на встречу. Мне тоже есть, что ему сказать.

Глава вторая, в которой Луиза меняет мнение о своей новой служанке, мэтр Лигг своё отношение к пленнице, а Мэй демонстрирует, как женщины должны бояться грызунов

Сидя за столиком, на котором стояли флаконы с лосьонами и увлажняющими кожу маслами, Луиза смотрела в зеркало и видела в нём своё худое лицо с крохотными морщинками вдоль всей линии глаз; по-прежнему голубых, по-прежнему огромных. Однако она не могла не заметить, что взгляд этих глаз сегодня стал совсем другим. Если вчера её лицо казалось бледным и утомлённым, то сегодня щёки королевы порозовели, а глаза блестели ярким алмазным блеском. На королеве была лишь лёгкая полупрозрачная рубашка, оголявшая плечи и почти не скрывавшая всё ещё высокую и молочно-белую грудь. Волосы Луизы были собраны в тугий пучок, перстни, ожерелья и золотой рифлёный браслет лежали рядом на краю стола.

Королева пододвинула к себе несколько склянок и выбрала из них самую маленькую. Крем назывался «Морская фея». Его делали из голубых водорослей, желчи синей акулы и розовой выжимки, которую перемешивали с миндальным порошком, чабрецом и лимоном. Торговец из Альдёнса, сутулый старичок с красным морщинистым лицом, называл это средство волшебным. Луиза поднесла крем к лицу, снадобье почему-то пахло жасмином; женщина поморщилась.

– Если уж и он не сможет скрыть эти проклятые морщины... – обмокнув палец, Луиза бережно провела им по векам, растёрла у висков.

С каждым взмахом брови королевы сдвигались, что никак не уменьшало количества морщин. В конце концов, Луиза швырнула «Морскую фею» на пол. Мэй, терпеливо наблюдавшая за происходящим со стороны, вздрогнула и тут же бросилась вытирать образовавшееся на полу жирное пятно.

– Старый обманщик, уверял, что его мази творят настоящие чудеса, – застонала Луиза. – Где они... эти чудеса? В следующий раз, когда он явится, я прикажу вышвырнуть его вместе со всем его бесполезным товаром.

– Простите, миледи, но если вы позволите...

– Позволю что?

– Я знаю средство, которое сможет сделать вашу кожу по-настоящему гладкой и упругой. Это особая мазь, ею пользуются многие женщины в тех местах, откуда я родом.

– И как быстро оно подействует?

– Почти сразу. Как только как вы нанесёте его на лицо, вы себя не узнаете?

– Его нужно готовить?

– Оно у меня уже есть, целый флакон.

Луиза насторожилась.

– И откуда ты его взяла?

– В замке много женщин и не так уж много мужчин. Поэтому многие ваши служанки стараются выделиться, произвести впечатление, – улыбнулась Мэй. – Когда я обмолвилась, что умею готовить мазь, которая способна сделать женщину моложе, кое-кто в тот же день, выловил меня возле кухни и попросил её приготовить.

Луиза невольно коснулась лица.

– Это средство и впрямь поможет скрыть морщины?

– Вы не обратили внимания на одну из своих служанок – Алисию?

– Та полноватая с хитрыми глазками, что работает на кухне?

– Она, миледи. Так вы видели её лицо?

– И что же такого с ним такого?

Мей прикрыла рот ладошкой, пряча улыбку.

– Ей всегда нравился Качер Хоу, он был лангером, но получил ранение и был прислан сюда, в охрану вашей милости. Он высок и недурён собой.

– Я знаю его – такой огромный, с короткой кучерявой бородкой, он ещё всегда так глупо улыбается, когда я прохожу мимо.

Мэй убрала за спину тряпку, которой только что тёрла пол.

– Так вот... Алисия долгое время скрывала свои чувства, проходила мимо него и всякий раз опускала голову. По после того как я дала ей свою мазь, она перестала стесняться и теперь они с Качером частенько беседуют в саду, да и не только в саду...

– Мазь, которой поварихи заманивают в свою постель солдафонов, додумалась же ты. Мне привозят самые лучшие средства! Самые лучшие – ты хоть это понимаешь? Они стоят огромных денег, а хочешь предложить мне средство, сделанное неизвестно из чего.

Мэй отвела взгляд, надула губки.

– Не всё, что дорого является лучшим. Моё средство готовится из воска, собранного досскими пчёлами, и соков особых пород деревьев, которые растут в окрестностях Доса. Там, откуда я родом, женщины очень страстны и искусны в любви, поэтому именно они считаются лучшими обольстительницами в королевстве. Вы пользуетесь лишь общеизвестными снадобьями, а то, что производят там, откуда я родом, не везде можно купить. Кроме женщин Доса никто не умеет готовить это средство. Мы строго храним наши секреты.

– Лучшие обольстительницы в королевстве – это милашки леди Энги. Об этом знают все.

Мэй пожала плечами и собиралась уходить, но Луиза не отпустила её:

– Придётся довериться тебе.

Обрадованная Мэй выскочила из комнаты и спустя некоторое время вернулась с небольшим стеклянным флаконом. Она почти не запыхалась и вручила королеве снадобье со словами:

– Ничего не бойтесь, моя королева. Хотите, я помогу вам нанести мазь прямо сейчас.

Процедура заняла несколько минут. Луиза откинулась в кресле и, пока Мэй растирала и массировала её лицо и плечи, думала про себя: «Сколько бы я ни думала о своих морщинах и наряде, чтобы выбраться из замка незаметно и увидеть Альберта, нужно что-то придумать. Тот человек говорил, что кто-то в замке должен мне помочь. Но кто? Как только девчонка закончит, нужно поскорее её отослать». Когда Луиза открыла глаза, она удивилась. Морщины действительно исчезали, прямо на глазах.

– Это и впрямь какое-то чудо...

– Позвольте помочь вам нанести макияж и заняться вашими волосам, – сказала Мэй.

Спустя какое-то время из зеркала на Луизу смотрела уже совсем другая женщина. Королева едва-едва сдержала слёзы. Специальные краски подчеркивали красоту её глаз, морщины не было, а румянец на щеках исчез, хотя и бледной теперь она не казалась. Значит, теперь он увидит такой же, да чего там такой же, она стала даже лучше, чем была тогда, когда они общались при дворе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.